

Исторический вестник. 2023. Т. XLV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.007

А.В. Ганин

«МНЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ НЕ МЕСТО...»

Следственное дело полковника А.В. Костанди
1920–1921 гг.

1921 г. по постановлениям Президиума ВЧК от 4–5 и 21 февраля, а также 1 апреля в рамках дела «Белые офицеры» были расстреляны 50 пленных белогвардейцев (не только офицеров — в деле фигурировали несколько рядовых и даже сестра милосердия), взятых в плен или добровольно сдавшихся красным задолго до того на разных фронтах и никак друг с другом не связанных. Серьезных следственных действий не проводилось — свидетели не допрашивались, доводы арестованных не проверялись и не учитывались. В феврале 2001 г. все они, кроме одного офицера, состоявшего при белых председателем чрезвычайного военного суда на Кубани, были реабилитированы.

Среди расстрелянных особенно примечательна личность единственного фигуранта дела, попавшего в плен к красным на Европейском Севере России — 37-летнего полковника Леонида Васильевича Костанди (20.09.1883–01.04.1921). Жизненный путь этого офицера, сыгравшего заметную роль в событиях Гражданской войны на Севере, уже привлекал внимание исследователей¹, однако без материалов его следственно-

¹ Кручинин А.С. «Я препровождаю вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 44–49; Тучков А.И. «Один за всех...» Жизненный путь полковника

А.В. Костанди

го дела и ряда других документов картина оставалась неполной и отчасти даже искаженной. При подготовке публикации нами использованы материалы десяти российских и зарубежных архивов.

А.В. Костанди происходил из мещан² Херсонской губернии, родился в семье обрусевших одесских греков и был сыном работника бельгийского газового завода в Одессе (на допросах в Советской России Костанди, видимо, чтобы выглядеть «социально близким» допрашивавшим, утверждал, что его отец, Василий Константинович, был рабочим, но в действительности тот являлся бухгалтером и кассиром³). Дед Костанди был простым рыбаком и утонул в море во время шторма. Дядя, Кириак Константинович, приобрел известность как художник-передвижник (в его честь названа улица в Одессе и установлен памятник).

А.В. Костанди окончил Одесское шестиклассное городское училище и Одесское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1905 г.), а в 1912 г. — Императорскую Николаевскую военную академию по

Костанди // Площадь первоучителей (Мурманск). 2005. № 5. С. 180–191; *Костанди О.Г.* Автор и его время // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 20–38; *его же.* Костанди — брат Костанди // Дерибасовская — Ришельевская (Одесса). 2007. № 28. С. 253–269.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4795. Л. 26.

³ *Еремина Л.А.* Страницы жизни семьи К.К. Костанди // Вісник Одеського художнього музею (Одесса). 2015. № 2. С. 66; *Костанди О.Г.* Автор и его время // Вышгород. 2006. № 4. С. 22.

1-му разряду, причем за отличные успехи в науках был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Кроме того, в 1917 г. он окончил Морские воздухоплавательные курсы.

До поступления на военную службу будущий офицер работал в мастерских почто-телеграфного округа и подрабатывал пением в хоре. В 1901 г. он поступил вольноопределяющимся 2-го разряда в 16-й стрелковый императора Александра III полк. Офицерскую службу начал в апреле 1905 г. после выпуска из училища и служил в Ревеле в 90-м пехотном Онежском полку. Согласно аттестации, данной ему в старшем классе академии в 1910 г. курсовым офицером полковником М.Д. Бонч-Бруевичем, «физически здоров. Воспитан. Тактичен. Дисциплинирован. Твердого характера. Умственных способностей выше средних. Трудолюбив. К службе Генерального штаба пригоден»⁴. Однокурсниками Костанди были будущий эстонский главнокомандующий И.Я. Лайдонер, а также эстонский военный министр А.И. Ларка. Возможно, знакомство с последним играло роль в деятельности Костанди в Ревеле в первой половине 1918 г., но это лишь предположение.

После академии Костанди для ценза командовал ротой в своем же полку. Начало Первой мировой войны и возможность применить свои знания на практике воспринял с энтузиазмом. В начале войны он, будучи штабс-капитаном, оказался в штабе 8-й армии генерала А.А. Брусилова как и.д. помощника старшего адъютанта общего отделения отдела генерал-квартирмейстера. О предстоящей службе Леонид Васильевич записал в дневнике 23 июля 1914 г. (небольшие дневниковые записи офицер делал с июля 1914 г. по июнь 1915 г.): «Работы будет по горло и работа все малоинтересная. Благо, что на мою долю придется, очевидно, служба связи армии, трудная и ответственная работа. Одно утешение, что ответственность работы заставляет отдаться ей всецело и забыть о ее непривлекательности»⁵. Поначалу в формировавшемся армейском штабе не было даже чернильницы и карандашей, пришлось столкнуться с путаницей и нераспорядительностью. 24 июля Костанди отмечал: «Предстоящая самостоятельная работа приятно щекочет нервы. Труды многих лет дают, наконец, плоды. Ты облечен большим доверием, тебе поручают ответственную работу, что может быть приятней этого для человека, отдавшего жизнь военной работе и чувствовавшего весь мирный период жизни, что запас знаний и энергию

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 4345. Л. 1 об.

⁵ Костанди Л.В. От Ревеля до Збруча. Записки офицера / Публ. О.Г. Костанди // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 9.

А.В. Костанди (стоит крайний справа) с родителями и семьей. 1903 г.

расходовать некуда»⁶. А 1 августа новая запись о скучной штабной работе: «Тяжело сидеть в штабе, нет работы сердцу. Совершенно не чувствуешь себя военным, сидя за машинкой и выщелкивая копии телеграмм»⁷.

Вскоре возможность проявить себя на передовой представилась. За проявленную в первых же боях храбрость Костанди в феврале 1915 г. был награжден Георгиевским оружием за то, что «состоя при штабе 8-й армии, в бою на р. Гнилая Липа 17 августа 1914 года, будучи послан от названного штаба для ориентировки положения 7-го армейского корпуса у д. Бржуховице, под сильным шрапнельным и ружейным огнем направлял пехотные цепи и возвращал в строй отсталых. В тот же день в 5 час. у д. Мерищева, также под артиллерийским и ружейным огнем, не только направлял с фланга подошедшие к 7-му корпусу подкрепления 60-й пехотной дивизии, но своевременной ориентировкой, по собственной инициативе, начальников частей предупредил расстрел друг друга этими частями и этим много содействовал успеху действий 7-го корпуса»⁸. Кроме того, офицер получил ордена Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

В декабре 1914 г. Костанди был переведен в Генеральный штаб с производством в капитаны. 5 апреля 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии генерал-майор П.А. Никитин аттестовал помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба армии капитана Костанди следующим образом: «К службе относится с должным

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Высочайший приказ 24.02.1915.

усердием и энергиею. Службу Генерального штаба знает отлично, имеет правильный взгляд на военное дело, несколько критически относится к действиям других, но проводит это мягко. Все боевые поручения под огнем противника исполнял отлично с полным самоотвержением.

Физически здоров вполне.

Умственно развит отлично.

Нравственности отличной, веселый собеседник и хороший товарищ. Отличный офицер Генерального штаба. Заслуживает выдвижения на штаб-офицерскую должность вне очереди»⁹.

Как вспоминал генерал П.С. Махров (тогда еще капитан), Костанди регулярно дежурил на телефоне и вел переговоры с офицерами Генерального штаба корпусов. Махров считал его одним из «талантливейших молодых офицеров в генерал-квартирмейстерской части»¹⁰. По характеристике Махрова, Костанди — «высокий, стройный блондин лет 25, причисленный к Генеральному штабу. Это был очень способный офицер с тонким аналитическим умом, умевший быстро схватывать обстановку. Несмотря на свою молодость, он держал себя с высшими начальниками довольно свободно, не стесняясь высказывать свое мнение, даже когда оно шло вразрез с принятыми ими решениями»¹¹. На самом деле Костанди был значительно старше. Тем не менее офицер отличался веселым нравом и вместе с другим своим талантливым сослуживцем капитаном Ф.Е. Махиным нередко острил по поводу командующего армией генерала А.А. Брусилова и начальника штаба генерала П.Н. Ломновского.

В 1915 г. Костанди продолжил службу в должности помощника старшего адъютанта крепости Перемышль. После контузии в мае того же года он был уволен в отпуск, а в июне получил назначение старшим адъютантом Морской крепости императора Петра Великого в Ревеле, где на различных должностях прослужил до 1918 г. Занимал должности начальника строевого отделения сухопутного фронта, начальника оперативного отделения сухопутного фронта, помощника начальника штаба крепости по сухопутному фронту и, наконец, начальника штаба крепости.

В Ревеле помимо служебных обязанностей Костанди состоял председателем Эстляндского военно-спортивного комитета, членом Ревельского военно-промышленного комитета, председателем Военно-эко-

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 4345. Л. 4 об.

¹⁰ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). P.S. Makhrov collection. Вох 3. *Махров П.С.* Воспоминания о моей службе в 8-й армии генерала Брусилова в 1914 году. Тетрадь № 6. С. 393.

¹¹ Там же. Тетрадь № 4. С. 284.

номического общества, а с ноября 1916 г. стал председателем исполнительной комиссии Эстляндского продовольственного совета¹².

После Февральской революции подполковник Костанди вписался в новую политическую реальность. На март 1917 г. он состоял председателем военной секции Исполкома Ревельского комитета рабочих и солдатских депутатов (сам Костанди позднее указывал, что вошел в состав Ревельского совета рабочих и солдатских депутатов, став председателем военного комитета). Исполком 17 марта 1917 г. приветствовал «доблестные войска славного генерала [Н.В.] Рузского, в штабе которого произошел великого значения акт отречения от престола государя Николая Второго»¹³. Документ подписали Костанди и председатель Исполкома. Также он стал председателем Эстляндского продовольственного комитета и уполномоченным по продовольствию Эстляндской губернии. В мае 1917 г. от последней должности пришлось отказаться по причине невозможности совмещать ее с работой в штабе крепости и в совете.

На допросе в 1920 г. Костанди показал, что отрицательно относился к министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому, считая того неспособным управлять государством. Критически оценивал и Временное правительство, но являлся сторонником идеи Учредительного собрания. Приход к власти большевиков Костанди воспринял отрицательно, считая новый режим неспособным преодолеть развал страны.

8 декабря 1917 г. офицер был арестован ревкомом по подозрению в злоупотреблениях в Военно-экономическом обществе, но через сутки выпущен на поруки работников штаба и команд. Вместе с комитетом штаба Костанди настоял на судебном разбирательстве революционного трибунала и 15 января 1918 г. был оправдан¹⁴ как «действовавший на вполне законном основании»¹⁵. Кроме того, в конце 1917 г. он ездил в Петроград на демобилизационный съезд. 20 февраля 1918 г. Костанди демобилизовался, продолжив жить в Ревеле с семьей.

Германские войска в конце февраля 1918 г. заняли город. Костанди признали военнопленным, но оставили на свободе. Известно, что офицер способствовал созданию первых эстонских воинских формирований (в частности, 3-го эстонского полка), состоял на службе эстонского Вре-

¹² Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-49590. Т. 1. Л. 5.

¹³ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 105. Л. 85 об.

¹⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2.

¹⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 322.

менного правительства и ездил в Петроград на переговоры с большевиками о признании Эстонии¹⁶. Однако он был арестован немцами и 4 (по другим данным, 5-го) июля 1918 г. депортирован в Советскую Россию. В Ревеле остались супруга офицера Надежда Федоровна Овчинникова и двое сыновей — Георгий (1913 г. рождения) и Кирилл (1917 г. рождения)¹⁷.

Через Нарву Костанди попал в Советскую Россию. Тогда, судя по его показаниям 1920 г., Леонид Васильевич рассчитывал «при восстановлении Восточного фронта вновь принять участие в борьбе с Германией и тем самым ликвидировать позор Брестского мира, к которому я относился совершенно отрицательно»¹⁸. Вместе с тем, оказавшись в Советской России, Костанди «предпочел службу в чисто научном учреждении, а не в строевой части армии»¹⁹. В документах отмечено, что из Гатчины (там находился дом родителей супруги Костанди²⁰) 19 июля он был командирован в Гидрографическую экспедицию Западносибирского района Северного Ледовитого океана во главе с известным полярным исследователем, бывшим капитаном 1-го ранга Б.А. Вилькицким²¹. Однако в своих показаниях Костанди отметил, что доехал до Москвы, где явился в оперативное управление Всероссийского главного штаба и получил предписание отправиться в экспедицию²². Костанди поехал в Петроград, куда прибыл 26 июля, а на следующий день выехал в Архангельск и прибыл туда 29 июля, накануне антибольшевистского переворота (он произошел в ночь с 1 на 2 августа 1918 г. и увенчался успехом при поддержке союзного десанта).

Командировка на Север предопределила дальнейшую судьбу офицера. Ко времени его прибытия в Архангельск основные силы экспедиции уже находились там. Для плавания предназначалось гидрографическое судно «Вайгач». Среди задач экспедиции был вывоз хлебных запасов с Севера в советский центр. На Леонида Васильевича возлагалось ведение военно-статистической работы. В антибольшевистском перевороте, как утверждал в своих показаниях Костанди, члены экспедиции не участвовали, поскольку Вилькицкий постарался сохранить экспедицию

¹⁶ Костанди О.Г. Автор и его время // Вышгород. 2006. № 4. С. 26.

¹⁷ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 322.

¹⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 3 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Костанди Л.В. От Ревеля до Збруча. Записки офицера / Публ. О.Г. Костанди // Вышгород. 2006. № 4. С. 7.

²¹ РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 60–61. Подробнее об экспедиции см.: Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. док. М., 2022.

²² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 577 об.; ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2.

как научную структуру. Но по свидетельству самого Вилькицкого и по другим документам картина выглядит иначе — начальник экспедиции был связан с британской разведкой и заранее знал о планах союзников занять Архангельск, а эшелоны экспедиции имели британские пропуска на случай, если бы переворот застал их в пути²³. Вилькицкий контактировал и с сибирскими антибольшевистскими организациями. Кроме того, принадлежавший экспедиции транспорт «Таймыр» участвовал в обстреле эвакуировавшихся из Архангельска советских учреждений²⁴.

Что именно тянуло офицера на Север, сказать сложно. В деле имеется личное письмо к нему от некой Ольги из Мурманска, заведовавшей госпиталем в городском лазарете²⁵. Возможно, эта женщина и оказалась причиной того, что Костанди не стремился вернуться к семье в Ревель (или перевезти ее к себе), а остался служить на Севере. Либо же их знакомство состоялось уже после прибытия Леонида Васильевича в регион. Семья знала, где находился ее глава — в деле сохранилось письмо супруги Надежды Федоровны от 29 августа 1919 г. из Ревеля, в котором она сообщала мужу о своей жизни и жаловалась на большие расходы на дрова и иные трудности. «Жизнь моя проходит в житейских хлопотах и заботах о детях. Нигде буквально не бываю, здоровье не позволяет. Много потеряла сил, и организм очень ослаб. За день так утомляюсь, что к вечеру уже чувствую себя усталой, а потому рано ложусь спать»²⁶. Женщине приходилось заботиться о двух сыновьях, однако Костанди не забывал о родных и пересылал семье деньги.

22 августа 1918 г. морская часть экспедиции ушла в плавание, Костанди же остался в Архангельске. До 26 сентября он числился в составе экспедиции, а затем перешел на службу в антибольшевистские формирования Севера России. В своих показаниях в красном плену он старался подчеркнуть, что попал на военную службу к белым вынужденно, под угрозой со стороны белого командования расформировать экспедицию в случае задержки в ней военных специалистов. Сложно сказать, насколько это соответствует действительности.

²³ Вилькицкий Б.А. Когда, как и кому я служил под большевиками / Публ. Ю. Дойкова. Архангельск, 2001. С. 7–8; Кузнецов Н.А. «Вернул России право на почетное место в ряду стран — исследовательниц арктических морей». К биографии Б.А. Вилькицкого // Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. док. М., 2022. С. 59–60.

²⁴ Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. док. М., 2022. С. 393.

²⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 93–94 об.

²⁶ Там же. Л. 90.

Генерал Е.К. Миллер

Ввиду дефицита кадров Генштаба на Белом Севере Костанди оказался востребован. Первоначально он состоял исполняющим должность начальника канцелярии управления командующего войсками Северной области²⁷, также исполнял обязанности военного цензора²⁸, участвовал в работе комиссии по пересмотру и выработке новых окладов²⁹, а с 23 января 1919 г. получил назначение начальником военного отдела при помощнике генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским краем³⁰. Если верить показаниям Костанди, назначение на Мурман произошло из-за его разногласий с командованием «на почве угождения англичанам». На новой должности он прослужил до 1 июня 1919 г. Свидетельств о его службе в тот период немного. Один из очевидцев отмечал: «В конце января 1919 года приехал из Архангельска подполковник Генерального штаба Костанди, которому было поручено [генералом Е.К.] Миллером провести мобилизацию. К. остановился в доме с английским влиянием, где в честь его устраивались вечера. Дамы принимали его под свое покровительство и помогали ему при составлении плана мобилизации»³¹.

²⁷ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. И-32. Оп. 5. Д. 1. Л. 72.

²⁸ Там же. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 34. Л. 13.

²⁹ Там же. Д. 40. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 37. Л. 8.

³¹ Гефтер А.А. Северные воспоминания // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск, 2006. С. 197.

Приказ генерала Е.К. Миллера о назначении А.В. Костанди. ГАОО

Из документов дела можно сделать некоторые выводы о политических взглядах Костанди. В частности, в деле сохранились написанные им под арестом «Заметки по внутреннему управлению Финляндии со времени ее присоединения к России и до наших дней», которые позволяют реконструировать мировоззрение полковника. В этом документе автор стремился показать, что финляндский сейм не являлся самобытным учреждением, и, отказывая финнам в праве на свою государственность, писал: «Финляндия не только никогда не была самостоятельной, но и никогда не представляла из себя чего-либо оригинального по своему устройству, и это необходимо твердо помнить тем, кто старается доказать не только незыблемость прав Финляндии на независимость, но еще и права ее на сопредельные с ней русские области, которые ничего с ней общего по своему устройству не имели, жили и развивались в русских условиях и принадлежат России со времени ее существования как государства, т.е. более 1000 лет»³². Таким образом, офицера по взглядам можно отнести к русским националистам и шовинистам, приверженцам идеи единой и неделимой России в дореволюционных границах. С другой стороны, работая в выборных революционных органах в 1917 г., Костанди приобрел определенные симпатии к демократическим учреждениям. По сведениям, собиравшимся русским военно-морским агентом в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Костанди «с начала

³² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 299 об.

революции в Ревеле вел демагогическую политику. В Архангельске в политическом отношении ничем себя не выказал, с зимы 1918–19 г.г. был начальником военного отдела на Мурмане и под его руководством там была создана русская военная сила. Хороший работник»³³.

Костанди в строевом отношении подчинялись войска белых в Мурманском крае, также он ведал вопросами снабжения. На допросах он утверждал, что отношения ни с белым командованием, ни с британским у него якобы не сложились³⁴, но документы свидетельствуют об обратном — офицер пользовался авторитетом у руководства антибольшевистских сил, не раз сопровождал командующего союзными силами генерала Ч. Мейнарда на фронт³⁵ и даже был награжден британским орденом, с чем связан яркий эпизод биографии Леонида Васильевича, о котором будет сказано ниже.

1 июня 1919 г. в связи с упразднением занимаемой Костанди должности последовало назначение офицера в распоряжение командующего русскими войсками Мурманского района³⁶. Он значился офицером для поручений при командующем войсками, причем 4 июня был произведен в полковники, а 5 августа назначен в распоряжение командующего войсками Северной области с переводом в Архангельск³⁷. После этого 9 августа последовало повышение до поста начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте³⁸. На этой должности Костанди оставался до конца эпопеи белых на Севере. Кроме того, он состоял в Георгиевской Думе по рассмотрению представлений о награждении Георгиевским оружием³⁹.

Свое новое назначение Костанди впоследствии связывал с тем, что еще 4 июля подал главнокомандующему войсками Северной области генералу Е.К. Миллеру рапорт и доклад по вопросу о переходе к активным операциям на Севере⁴⁰, дабы каждый из белых фронтов не был разгромлен по отдельности. Кроме того, в своем докладе он раскритиковал оперативную безграмотность британского командования, предложив

³³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

³⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 5 об.

³⁵ Мурманский вестник. 1919. № 15. 15.02. С. 3; № 30. 22.03. С. 3.

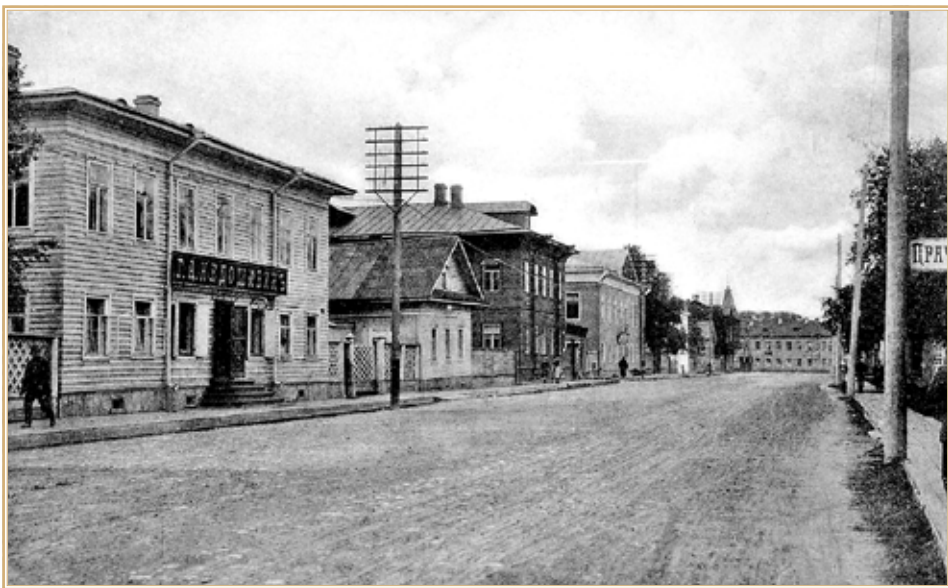
³⁶ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 40. Л. 251.

³⁷ Там же. Л. 407.

³⁸ Там же. Д. 49. Л. 3; Д. 50. Л. 2.

³⁹ Там же. Д. 54. Л. 31 об.

⁴⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 6; Т. 2. Л. 206–208 об.

Архангельск. Псковский проспект, где проживал Л.В. Костанди

перейти в наступление без участия союзников (последние должны были обеспечивать действия белых и охранять тыл)⁴¹. Видимо, Костанди был сочтен деятельным генштабистом, заслуживающим дальнейшего продвижения, а в августе ему объявили благодарность⁴².

Летом — осенью 1919 г. британцы покидали север России, уничтожая военное имущество, которое не могли вывезти. Вызов Костанди в Архангельск совпал по времени с этими событиями. Леонид Васильевич считал продолжение борьбы бесперспективным, но генерал Е.К. Миллер решил сражаться до конца. Тогда-то и произошел инцидент, связанный с наградой Костанди.

Еще 26 апреля 1919 г. англичане наградили офицера орденом Выдающейся Службы (Distinguished Service Order) за выдающиеся заслуги в связи с успехами на Мурманском фронте. О награждении писали в белых газетах⁴³. Однако в дальнейшем Леонид Васильевич разочаровался в союзниках, что вылилось в демонстративный отказ от британского ордена. Возмущенный действиями англичан Костанди в конце их эвакуации лично явился к британскому генералу У.Э. Айронсайду, положил на стол награду, высказал все, что думает о происходящем, отдал честь и вышел из кабинета.

⁴¹ Там же. Т. 2. Л. 207–207 об.

⁴² Там же. Л. 213.

⁴³ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-102. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

Генерал У. Айронсайд

В письменном отказе, датированном 26 сентября 1919 г., он указал: «В мае текущего года главнокомандующий союзными войсками на Мурмане генерал Мейнард вручил мне орден Выдающейся Службы Д.З.О.⁴⁴ при выписке, подробно указывающей на те отличия, которые были мной оказаны. Эта выписка оканчивалась такими лестными для меня словами: “Его обширные военные знания, его такт и лояльность были использованы и принесли значительную пользу делу союзников и России”».

Независимо [от] того, что я делал на Мурмане, во все время революции и войны стремился быть верным сотрудником союзников, уверенный, что союзные правительства — искренние друзья России, благополучие которой мне как офицеру русской армии, конечно, было дороже всего.

К сожалению, мне и моим единомышленникам пришлось разочароваться.

Генерал Айронсайд в ноябре минувшего года говорил собранию всех русских офицеров в Архангельске, что он и его войска останутся здесь до тех пор, пока русские войска будут способны удерживать порядок в стране, хотя бы для этого понадобилось 10 лет.

Я верил и верю, что генерал говорил искренно, он, очевидно, не предполагал, что благодаря своему правительству ему придется отказаться от выполнения данного им обещания.

⁴⁴ Так в документе. Правильно: D.S.O.

Британский орден Выдающейся Службы

Я препровождаю вам знаки ордена Д.З.О. для возвращения их правительству Англии, так как считаю ниже достоинства русского гражданина и офицера носить орден страны, представители которой вынуждаются своим правительством изменять данному им слову и своим союзникам»⁴⁵.

Айронсайд вспоминал: «Долго я сидел в полном молчании, глядя на отвергнутый орден, которым в свое время была отмечена беспримерная доблесть»⁴⁶. Этот случай запомнился ему надолго (свои воспоминания Айронсайд написал спустя более тридцати лет после событий). При этом британский генерал охарактеризовал Костанди как выдающегося офицера и назвал этот эпизод неприятным.

1 октября 1919 г. начальник инспекторского отделения штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами на Северном фронте уведомил Костанди о реакции генерала Е.К. Миллера на случившийся демарш: «По приказанию дежурного генерала сообщаю резолюцию главнокомандующего на Вашем рапорте от 29 сентября за № 1/500. “Не могу одобрить такое демонстративное выступление, так как выражение таким способом своего недовольствия Английским правитель-

⁴⁵ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 246. Л. 8–8 об.; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 54–54 об. Подробнее см.: Кручинин А.С. «Я препровождаю вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 44–49.

⁴⁶ Айронсайд У.Э. Архангельск. 1918–1919 // Зброшенныя в небытыя. Интервенцыя на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 365.

ством не могу считать соответствующим интересам России вообще, ибо из всех союзников только англичане помогают материально и очень широко русским войскам в их борьбе с большевиками и генералу Юденичу, и генералу Деникину, да и нам оставили средства для борьбы англичане, а не кто другой. Из послужного списка исключить орден Д.О. Генерал-лейтенант Миллер»⁴⁷. Об исключении из послужного списка Костанди награды, возвращенной им английскому правительству, 3 октября был издан специальный приказ⁴⁸. Этот поступок свидетельствует как о принципиальности Костанди и его нетерпимости к нарушениям обещаний, так и об определенном идеализме.

По характеристике командующего войсками Северной области генерала В.В. Марушевского, «несмотря на свою молодость, Костанди показал себя отличным и талантливым начальником, хотя и не мог поладить с англичанами, что, впрочем, было для меня уже явлением вполне нормальным»⁴⁹. Примечательна оценка противника. По мнению военного комиссара и члена РВС 6-й отдельной армии РККА Н.Н. Кузьмина, «особенно трудный момент был осенью 1919 г., когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковника Генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе железной дороги и захватил станцию Плесецкую...»⁵⁰.

Когда исход Гражданской войны на Севере уже был предопределен, перед участниками Белого движения возник вопрос, как быть дальше — эвакуироваться ли за границу с туманными перспективами на будущее или остаться и сдаться на милость победителей, опять-таки с неясными перспективами (сам Костанди на допросе вскользь упомянул об отсутствии полной уверенности у большинства остававшихся, что будет гарантирована жизнь).

Белое командование, в основном, покинуло Северную область, но Костанди, наоборот, решил остаться. Более того, он попытался достичь мирного и спокойного транзита власти от белых к красным. Еще до ухода белых (по его свидетельству, 15–16 февраля 1920 г.) он вступил в переговоры с представителями профсоюзов с целью договориться об организации временной власти после того, как белые покинут область.

⁴⁷ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 246. Л. 7; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 55.

⁴⁸ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

⁴⁹ *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы / Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 262.

⁵⁰ *Кузьмин Н.Н.* Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 316.

Н.Н. Кузьмин

Зачем это было нужно Костанди, понять сложно. Высказанный им аргумент о том, что в противном случае власть могла бы оказаться в руках толпы, что вело бы к огромным потерям и разрушениям⁵¹, вряд ли выглядит убедительным мотивом в пользу столь необычной для офицера политической активности. По свидетельству генерала И.А. Данилова, Костанди остался «с ведома главнокомандующего и по просьбе профессиональных союзов»⁵² с целью спасти оставшихся в Архангельске белых офицеров⁵³. Генерал Н.И. Звегинцов вспоминал, что «Костанди... по просьбе Миллера остался, чтобы по возможности предотвратить резню и анархию»⁵⁴. Согласно еще одному свидетельству, Костанди остался по предложению правительства⁵⁵.

Быть может, на решение остаться и на поведение Костанди в те дни повлияли его политические взгляды, ведь, по оценке генерала В.В. Марушевского, он «был очень талантливый, способный, но уже, казалось мне, несколько тронутый тлетворным влиянием революции. Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных запис-

⁵¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 6.

⁵² Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 81.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об.; Кручинин А.С. «Я препровождаю вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 47–48.

⁵⁴ Архив Гугеровского института. N. Zvegintsov Collection. Box 1. Звегинцов Н.И. Дрейф ледокола «Соловей Будимирович» и мои записки с 22 января 1920 г. по 4 июля 1920 г. С. 121.

⁵⁵ Северный исход. 1917–1930 гг. Курск, 2020. С. 136.

ках по реорганизации армии»⁵⁶. С другой стороны, если для монархиста Марушевского Костанди казался левым, то, по оценке эсера и члена правительства Северной области Б.Ф. Соколова, наоборот, «отнюдь не был демократически настроенным офицером, но почему-то считался “красненьким”». Этого было достаточно, чтобы держать его в черном теле»⁵⁷.

Возможно, Костанди хотел зарекомендовать себя перед новой властью, а решение остаться обуславливалось какими-то личными мотивами. Он сам говорил, что за границей ему не место⁵⁸. По свидетельству современника, «мнения о Костанди вообще были различны. Одни его считали большевистствующим, другие — самолюбивым честолюбцем. К демократии он относился довольно холодно и особенных сношений с ней не имел. Несомненно, он был большим националистом и начинал впадать в ту ошибку, в которую впали многие другие, олицетворяя в одном лице большевизм и национализм. Во всяком случае, он был способным и талантливым военачальником⁵⁹, чего от него не могли отнять и его враги»⁶⁰.

Якобы перед генералом Миллером Костанди 18 февраля поднял вопрос освобождения всех заключенных и недопустимости репрессий и разрушений, а также предложил передать власть рабочим. На заседание правительства Миллера при посредничестве Костанди были приглашены представители профсоюзов, причем удалось достичь договоренности о временном переходе власти к ним после ухода белых путем создания временного исполкома.

Незадолго до эвакуации генерал Миллер вел переговоры по радио с комиссаром Н.Н. Кузьминым⁶¹, содержание которых неизвестно. После эвакуации белых с Кузьминым взаимодействовал уже сам Костанди.

19 февраля, после ухода белых, Костанди по решению Архангельского губернского профсоюзного совета⁶² занял пост командующего Архангельским округом и коменданта города. Он снял погоны и до вступления в город красных пытался бороться с анархией. Такой пе-

⁵⁶ Марушевский В.В. Год на Севере. С. 201.

⁵⁷ Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 45.

⁵⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 4а; Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

⁵⁹ Так в документе.

⁶⁰ Соколов Б.Ф. Падение Северной области. С. 65.

⁶¹ Там же. С. 63, 77.

⁶² Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 720. Л. 10.

Генерал И.А. Данилов

реход офицера «умелым вольтом»⁶³ на сторону противника многим из его прежних сослуживцев не понравился, тем более что его подоплека широко известна не была. Неудивительно, что в эмиграции Костанди характеризовали противоречиво: «Офицер и деятель редких, почти исключительных дарований. Но у него тоже был несомненный и своеобразный демагогический уклон, которым грешили в то время многие представители командования русской армии. А эти его черты, очевидно, и привели его к общению с профессиональными союзами — сообществом, по меньшей мере, социалистического типа»⁶⁴.

Полковник Костанди оказался практически единственным высокопоставленным белым офицером, добровольно оставшимся в Архангельске, что в глазах победителей выглядело подозрительно. Арестовавшие Костанди в марте 1920 г. чекисты интересовались тем, как офицер повел себя после ухода белых. С этой целью собирались всевозможные свидетельские показания, подчас совершенно несуразные. В деле имеются полуграмотные показания помощника кладовщика речного транспорта матроса А. Степанова от 14 марта 1920 г., согласно которым 19 февраля при смене власти он обратился в профсоюз, где служил Костанди, чтобы для сохранения склада с бензином была предоставлена охрана. Однако Костанди отказал, послав Кузнецова в автодивизион и дав наряд на семь

⁶³ Гефтер А.А. Северные воспоминания // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск, 2006. С. 197.

⁶⁴ Черниговский А. Поднятая завеса. Как погиб Л.В. Костанди // Последние известия (Ревель). 1923. № 164 (930). 11.07. С. 2; ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

человек. В автодивизионе заявителю тоже отказали, поскольку в таком случае простаивали бы семь машин. В то же время имевшиеся в распоряжении Костанди солдаты бездействовали, и якобы офицер своим отказом тормозил работу⁶⁵.

В деле Костанди сохранились показания помощника начальника охраны Архангельска И. Козлова, который при белых как коммунист находился под арестом. По свидетельству Козлова, Костанди в частной беседе сообщил, что 19–22 февраля 1920 г. в Архангельске оставался начальник разведки штаба генерала Е.К. Миллера⁶⁶. При этом никаких мер к его задержанию Костанди не предпринимал.

Одни из самых подробных показаний дал 13 марта 1920 г. 29-летний бывший подполковник М.И. Верцинский, который при белых командовал запасной батареей. 18 февраля 1920 г. Костанди приказал Верцинскому распустил солдат и ждать дальнейших указаний. По свидетельству Верцинского, Костанди имел отношение к какой-то организации, проявившейся при уходе белых. На следующий день Костанди после отплытия белых не сделал никаких распоряжений для того, чтобы перехватить ледокольный пароход «Козьма Минин» и посыльное судно (яхту) «Ярославна», на которых те эвакуировались из Архангельска⁶⁷. Лишь позднее, когда время было упущено, было приказано вооружить ледокол «Канада» для преследования, но в итоге произошла поломка и ледоколу пришлось вернуться (о попытке вооружить ледокол, приведшей к поломке и ремонту, упоминал и сам Костанди⁶⁸). Согласно показаниям некоего Голенищева, Костанди сделал выговор какому-то артиллерийскому офицеру, ездившему с орудием по городу и пытавшемуся в районе Экономии задержать яхту «Ярославна» с эвакуировавшимися белыми⁶⁹.

Думается, наиболее достоверные данные об отношении Костанди к погоне за эвакуировавшимися белыми содержит письмо генерала И.А. Данилова генералу Е.К. Миллеру от 12 июля 1922 г. В нем Данилов, бежавший из Советской России, поделился воспоминаниями об общении с Костанди сразу после отплытия белых. Когда выяснилось, что в погоню направлен ледокол «Канада», Данилов встревожился, но Костанди «на мою тревогу о том, что она может Вас захватить, ответил, что ничего

⁶⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 12; Т. 2. Л. 205.

⁶⁶ Там же. Т. 1. Л. 13.

⁶⁷ Там же. Л. 8 об.

⁶⁸ Там же. Т. 2. Л. 303.

⁶⁹ Там же. Т. 1. Л. 12 об.; Т. 2. Л. 209.

Ледокол «Козьма Минин» в Норвегии

из этого не выйдет»⁷⁰. Один из участников событий отметил, что в Комитете обороны и временном исполкоме профсоюзов все дали согласие на вооружение ледокола «Канада» для преследования белых. Исключение составил лишь Костанди, который отметил, что «Канада» не выдержит вооружения⁷¹. Позднее Костанди с Даниловым даже жалели, что генерал Миллер не знал о настроениях капитана «Канады» и команды, которые на самом деле стремились эвакуироваться из России. Усмотрев в действиях «Канады», пытавшейся обогнать «Минина» возле Экономии, враждебный маневр, с последнего открыли пулеметный огонь. Присоединиться к белым у «Канады» после этого уже не получилось. Более того, местные большевики приставили к капитану «Канады» часовых и потребовали продолжить преследование, которое, ожидаемо, не увенчалось успехом.

Таким образом, Костанди не проявил никакого рвения в организации преследования эвакуировавшихся из Архангельска белых, пытаясь помочь своим прежним товарищам покинуть Север. На допросах он отмечал, что считал погоню нецелесообразной, так как она могла привести к потере единственного оставшегося на Северной Двине ледокола⁷².

Не препятствовал Костанди и тем белым, которые оставались в Архангельске⁷³, и старался помочь тем, кто оказался арестован. Все это по-

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об.

⁷¹ ОДСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 53. Л. 4.

⁷² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 7.

⁷³ Там же. Л. 6 об., 7, 8 об., 13.

ложительно характеризует его человеческие, товарищеские качества. Сохранилось несколько свидетельств того, что Костанди пытался спасти оставшихся офицеров. Так, он направил своего друга, гвардейского офицера Ю.Д. Бессонова на Онегу со словами: «Тебе, как перебежчику⁷⁴, нужно уходить в первую голову. Есть два пути. Один — неверный, но более легкий, на ледоколе. Возможно, что они не смогут уйти. Другой — более верный, но и более трудный — 500 верст пешком или, если будет возможно, то на подводах, по берегу Белого моря на Мурманск. Там фронт ген. [В.С.] Скобелевына, и он будет держать его до прихода наших. Сегодня, в 12 часов ночи, этим путем выходит разведка и контрразведка. Присоединяйся к ним. У меня есть в Архангельске связи с рабочими. Я знаю, что здесь будет резня офицеров. Все уходят, и я остаюсь за н[ачальни]ка гарнизона, чтобы сдать Архангельск большевикам. Мне за границей не место»⁷⁵. С аналогичными сообщениями Костанди обращался и к другим офицерам⁷⁶.

Костанди позволил освободиться из-под ареста генерал-майору И.А. Данилову и его брату полковнику Данилову. Генерал Данилов впоследствии писал генералу Миллеру о том, как оказался в Архангельске после ухода белых: «Все мы, числом около полутораста человек, были окружены конвоем из матросов и нас повели через Двину и далее по Троицкому проспекту к помещению нашего штаба. Следуя по Троицкому проспекту, мы подвергались оскорблениям со стороны отдельных личностей, причем один из наиболее ретивых был даже арестован нашими конвойными и отправлен ими куда-то; большая же часть населения с глубокой печалью на лице сочувственно смотрела на нас, а встречающиеся женщины плакали навзрыд.

Таким образом, мы вступили на крестный путь, который для многих из нас окончился Голгофой с безвестными могилами в Советской России.

Подойдя к штабу, я увидел вышедшего к нам навстречу полковника Костанди, который был уже без погон, очень сумрачно настроенным и осунувшимся. Я был очень удивлен, видя его оставшимся в Архангельске, мне совершенно было это не понятно, так как он, по моему мнению, по своим убеждениям не мог перейти к большевикам. Пол-

⁷⁴ Сохранен стиль документа.

⁷⁵ Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

⁷⁶ Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг. / Мемуары и документы. Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 180.

ковник Костанди, обратившись к офицерам, сказал: “Ну что ж, надо Вам всем идти в тюрьму”. Увидя меня в числе прочих, он сказал мне: “Пойдем со мной в штаб”. На это я ему ответил, что здесь со мной мой брат. Он предложил и ему следовать за ним, а остальных офицеров повели в тюрьму. В штабе полковник Костанди разъяснил мне, что он остался в Архангельске по просьбе представителей профессиональных союзов и с согласия Вашего превосходительства для того, чтобы устранить те эксцессы, которые могут быть в переходное время до прибытия власти большевиков по отношению к офицерам и жителям, а также и явиться их защитником у этой власти. Сказал мне, что он занимает в настоящее время должность коменданта города, что в Архангельске организован Временный комитет из представителей профессиональных союзов, что ему приходится очень тяжело в должности коменданта, ибо, не имея реальной силы, нет возможности бороться с анархией, которая проявляется все более и более, так как темные элементы населения, особенно с момента выпуска заключенных из тюрьмы, подняли голову и, пользуясь создавшимся положением, грабят население, прикрываясь обысками, которые они производят самочинно, а местные большевики, бывшие до сих пор в подпольи, сводят личные счеты с теми, кто им в свое время насолил. Уже есть случаи убийства и насилия, и он ждет с нетерпением прибытия в Архангельск регулярной большевистской части, а также и ее командования, чтобы передать им власть, иначе анархию не остановить. В силу всего этого Временный комитет решил для ограждения от этих элементов офицеров держать в тюрьме, где им будет, пожалуй, безопаснее, а мне предложил до выяснения обстановки посидеть в помещении бывшего нашего штаба, являющемся в настоящее время штабом комендатуры г. Архангельска⁷⁷.

Подпоручик Г.С. Топорков вспоминал: «На другой день утром в тюрьму явился полковник Костанди со свитой каких-то темных личностей и стал успокаивать нас, говоря, что смертная казнь отменена и репрессии ограничатся только принудительными работами. Он занимал должность начальника охраны гор[ода] Архангельска и в выпускаемых официальных бюллетенях, о том, кто есть начальство в городе, — именовал себя полковником Костанди. Через несколько дней слово “полковник” было заменено “товарищем” Костанди, а еще через несколько дней ни полковника, ни товарища Костанди уже на этой должности не было. Власть в городе перешла в руки приехавших из Вологды коммунистов.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об.

Гражданин Костанди мог именовать себя только лишь, как заключенный камеры такой-то...»⁷⁸

Однако Костанди не рассчитал свои силы — в тюрьме задержанных офицеров грабили, а вышедшие из подполья местные большевики начали мстить недавним обидчикам и устраивать расправы по городу, нарастала анархия. Генерал Данилов свидетельствовал: «На другой день, 20 февраля, пришел ко мне полковник Костанди и сказал, что анархия в городе все увеличивается и, желая пресечь ее, он вызвал к прямому проведению члена Революционного военного совета 6-й большевистской армии Кузьмина, находящегося в настоящее время на ст. Обозерской и просил его приехать в Архангельск и привезти с собой не менее двух батальонов для водворения порядка, на что Кузьмин ответил отказом, выразив опасение, что в Архангельске может быть ему расставлена ловушка, что, приехав туда, можно и не вернуться. Чтобы обезопасить себя в этом отношении, он предлагает полковнику Костанди приехать самому на ст. Обозерскую, где лично поговорить с ним по этому поводу, а также бы и полковник Костанди являлся как бы заложником. Полковник Костанди, переговорив с членами Временного комитета, решил ехать на ст. Обозерскую за Кузьминым, а мне сказал, чтобы я здесь в штабе посидел и подождал его возвращения»⁷⁹.

Комиссар и полковник были ровесниками и нашли общий язык. 21–22 февраля (по свидетельству Данилова — 22-го, тогда как по показаниям Костанди — в ночь на 21-е) они вместе приехали в Архангельск с передовыми частями РККА (21 февраля официально датируется вступление РККА в Архангельск). Через месяц Кузьмин высоко отозвался о Костанди на страницах газеты «Известия»: «Порядок в городе был образцовый, чему много способствовал бывший при белых генерал-квартирмейстером полковник Костанди, который остался в городе и, несмотря на приказ белых, не взорвал радиостанции. Тысяча пятьсот белых солдат во главе с офицерами охраняли склады, так что нам оставалось только приказывать и делать распоряжения. Все учреждения остались на своих местах и продолжают работу»⁸⁰. Белые якобы даже перехватили советскую радиogramму с объявлением Костанди благодарности за передачу имущества новой власти⁸¹.

⁷⁸ Там же. Д. 26. Л. 103–104.

⁷⁹ Там же. Д. 97. Л. 4 об.–5.

⁸⁰ Ликвидация северного фронта (беседа с тов. Н. Кузьминым) // Известия. 1920. № 64 (911). 24.03. С. 1.

⁸¹ Северный фронт (1918–1920). Документы. М., 1961. С. 262.

Позднее, по мнению генерала Данилова, Костанди в Кузьмине горько разочаровался, так как комиссар обещал обеспечить жизнь и свободу оставшимся офицерам и прочим чинам белых, но не смог выполнить обещание. Костанди предполагал, что с прибытием советских войск он комендантом не останется, и сказал, что «вообще ему эта должность претит и что, освободившись от нее, он будет иметь больше времени для защиты интересов бывших офицеров»⁸². Такие умозаключения свидетельствуют о поразительной наивности представлений офицера.

Комендантом Костанди, по его собственному свидетельству, оставался до 22 февраля, но затем продолжал работать в штабе. Он по-прежнему помогал прежним товарищам. В частности, выдал генералу Данилову и его брату охранные пропуска и отпустил, предупредив насчет документов, что «особенного значения они не имеют, но что впоследствии он постарается достать для нас уже от настоящей большевистской власти более верные»⁸³. Позднее большевики объявили регистрацию офицеров, угрожая за неявку расстрелом. Данилов ходил советоваться с Костанди, как быть. Примерно тогда же к Костанди приехал комиссар Кузьмин, выдавший Данилову записку к начальнику Особого отдела 6-й армии с просьбой не арестовывать предьявителя под поручительство самого комиссара. Кузьмин заявил офицерам, что никому ничего не грозит и что все будут использованы как военспецы⁸⁴. 25 февраля 1920 г. член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин выдал Костанди удостоверение как лицу, состоящему для поручений при РВС армии⁸⁵. Таким образом, белый офицер поступил в РККА и консультировал Кузьмина, но продолжалась его новая служба совсем не долго.

Своей заслугой перед новой властью Костанди считал сохранение всех железнодорожных сооружений на линии Емца — Архангельск, всего подвижного состава, судов военного и торгового флота, портовых сооружений и заводов Архангельска, военного имущества и складов⁸⁶. Если в период междувластия Костанди играл видную роль, то с занятием Архангельска красными с ним перестали считаться. Не позднее 25 февраля 1920 г. член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин телеграфировал в ПШ РВСР с копией В.И. Ленину: «Прошу разрешения выехать [в] Москву совместно [с] Генштаба Костанди для доклада положения дел [в] Северной об-

⁸² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 5 об.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Л. 6.

⁸⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 65.

⁸⁶ Там же. Л. 211–211 об.

ласти и [о] наилучшем способе использования оставшихся после белой армии учреждений. До доклада прошу распоряжения не прекращения деятельности военных учреждений, так как иначе получатся миллионные убытки...»⁸⁷ Однако в Москву Костанди попал уже в качестве арестованного.

Генерал Данилов в письме генералу Миллеру отмечал, что ему хочется оградить светлую память о Костанди «от тех грязных наветов, которые позволяли себе делать люди, не знавшие его истинной цели и намерений, заставивших его, рискуя собственной жизнью, остаться в Северной области для спасения и облегчения участи брошенных на фронте. Особенно старался в этом отношении здесь генерал Ключев, который ничего кроме хорошего в Северной области от Костанди не видел. Полковник Костанди уже в тюрьме мне, а также полковнику Волкову по секрету рассказал, что он остался в Архангельске с Вашего ведома и по просьбе профессиональных союзов исключительно для того, чтобы сделать все возможное для офицеров, попавших в руки большевиков, и что это представлялось ему достижимым ввиду той поддержки, которую он рассчитывал встретить у профессиональных союзов, но он ошибся в своем расчете. Правда, как я уже писал выше, он очень много сделал в Архангельске во время безвластия, находясь в должности коменданта г. Архангельска, предотвратив эксцессы и начинающуюся анархию, но дальше он, приняв члена РВС 6-й армии Кузьмина за порядочного человека, думал, опираясь на него, освободить от тюрьмы и преследований всех офицеров, которые были в Северной области, говоря, что он ручается за них, и требовал их освобождения. Поддержки он в этом не встретил и когда, как бы в протест этому он заявил, что ввиду неисполнения его просьбы он желает разделить участь офицеров и сесть в тюрьму, Особый отдел 6-й армии, конечно, желание его сейчас же исполнил, и он был вместе с нами отправлен из Архангельска в Москву, а Кузьмин узнавши, по своем возвращении в Архангельск, что полковник Костанди сидит в тюрьме, не только не принял никаких мер к его освобождению, но и даже забрал себе все его вещи и одежду, которая находилась у артистки Светловой на квартире, себе»⁸⁸.

Данилов был несправедлив к комиссару Кузьмину, которому приходилось действовать в непростых условиях. Так, 5 марта 1920 г. ему

⁸⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 34.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

была направлена телеграмма от председателя Совнаркома В.И. Ленина с прямым указанием проявлять «величайшую осторожность и недоверчивость». Ленин предостерегал комиссара: «Смотрите, чтобы Вас не надули офицеры, желающие проникнуть к нам с целью разложения армии... Арестованных офицеров используйте для труда. Остающихся на свободе — для той же цели»⁸⁹.

13 марта 1920 г. Кузьмин дал ручательство за Костанди и телеграфировал в ВЧК и РВСР: «Срочно. Секретно. Вне очереди по обоим адресам. Москва. ВЧК Менжинскому, копия Реввоенсовет Республики. Архангельск. 13 марта. Я просил [и] настаиваю выделить вопрос генштаба Костанди. Просил Реввоенсовет Республики, если он не желает его знания использовать широко, дать мне наштадивом»⁹⁰. За верность его ручаюсь своей головой. Человеку, расстрелявшему более четырехсот офицеров, можно поверить, когда он ручается за одного... Прошу, если Реввоенсовет Республики согласен, прошу Костанди не арестовывать и разрешить мне его доставить [в] Москву или отдать мне [в] мое распоряжение»⁹¹. 21 марта он подготовил доклад об этом. Однако ручательства не помогли. Против Кузьмина и его покровительства Костанди выступил видный большевик, бывший руководящий работник ВЧК А.В. Эйдук, обратившийся 23 апреля 1920 г. в этой связи в ЦК РКП(б)⁹². Впрочем, Эйдук допускал возможность использования Костанди в РККА, но не на Севере, где тот служил у белых.

Братья Даниловы, как и Костанди, были арестованы 15 марта 1920 г., после отъезда из Архангельска комиссара Кузьмина, который мог их защитить. В тот день Особым отделением Архангельского направления при Особом отделе 6-й армии был выдан ордер № 280 на обыск у Костанди, проживавшего на Псковском проспекте, 43, квартира 2 (ныне — это архангельский Арбат или пешеходный проспект Чумбарова-Лучинского)⁹³. Выемка корреспонденции и бумаг у офицера, возможно, произошла накануне, так как протокол обыска датирован еще 14 марта⁹⁴.

Первый допрос Костанди состоялся 20 марта 1920 г. Арестованный подробно изложил свою биографию, акцентировав внимание на февральских событиях 1920 г. В двадцатых числах марта в составе этапа из

⁸⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 51. С. 153.

⁹⁰ Начальником штаба дивизии.

⁹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 223–223 об.

⁹² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 14–14 об.

⁹³ Там же. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Л. 11.

150 человек Костанди и Данилов были направлены в Москву (по данным Данилова, это произошло 24 марта, а в документах Костанди уже 25 марта датировано прибытие в Москву⁹⁵). Описание этапирования генерал Данилов привел в своем письме Миллеру (позднее он повторил его и в опубликованных воспоминаниях): «Когда в одиннадцать часов вечера мы, окруженные двумя ротами финнов и конными Хаджи-Мурата, вышли из ворот тюрьмы, то шли между шпалерами народа вплоть до Сурского подворья у Двины. Из толпы, несмотря на врезывание в нее конных, все время раздавались сочувственные возгласы, между которыми я особенно запомнил один, чей-то женский голос: “До свидания, господа!” На это один из конных с поднятой нагайкой бросился на кричавшую с криком: “Теперь нет господ, а есть только товарищи”, на что получил ответ, поддержанный толпой: “Это у вас товарищи, а для нас они всегда были и будут господами!”»

Перейдя Двину, на ст[анции] Архангельск нас встретил знаменитый по жестокости и расстрелам Эйдук, который, как оказалось, вез нас в Москву как трофей... Более десятка тысяч жизней числится за ним и не менее трех тысяч собственноручных расстрелов, что подтвердил сам он нам здесь в своей речи, предупредил, сказав, что имя его должно быть нам известно, так как он собственноручно уже расстрелял более тысячи подобных нам, и что он не поцеремонится сделать это и с нами в случае побега из поезда во время следования в Москву. Мы были погружены в два арестантских и два товарных вагона. Здесь с нами были посажены и члены Северного правительства»⁹⁶.

Пленные попали в 15-й коридор Бутырской тюрьмы, где размещались по 25 человек в камере. Питание было скудным: фунт хлеба в день, две суповые ложки чечевичной бурды, золотник растительного масла. Раз в две недели полагалась баня. Данилов сидел с Костанди в одной камере, но во второй половине апреля последнего перевели во внутреннюю тюрьму Особого отдела ВЧК на Лубянку, 2.

Под арестом Костанди содержался в Бутырской тюрьме, внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, Ивановском и Кожуховском лагерях. Как было распространено в то время, следователи арестованными интересовались редко. Вынужденное безделье и отсутствие следственных действий тяготили Костанди. Так, после перевода во внутреннюю тюрьму Костанди не был допрошен в течение десяти дней, что вызвало его

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 314. Л. 79.

⁹⁶ Там же. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 7 об.-8.

заявление от 28 апреля 1920 г. на имя следователя об ускорении следствия⁹⁷. Следующее заявление было датировано 12 июня 1920 г. и содержало просьбу о помиловании с возможностью участвовать в борьбе с Польшей⁹⁸. Еще одно заявление по тому же вопросу Костанди написал 20 июня⁹⁹.

Генерал Данилов отмечал, что о дальнейшей судьбе Костанди позднее через знакомых узнал от артистки Светловой (в почти идентичном тексте воспоминаний, опубликованных Даниловым в «Архиве русской революции», эта женщина не упоминалась, очевидно, из соображений безопасности), которая хлопотала об арестованном и ездила для этого в Москву. У Светловой Костанди жил в Архангельске и оставил свои вещи¹⁰⁰. Возможно, эта женщина являлась гражданской супругой офицера.

Следствие интересовала причастность Костанди к репрессиям при белых. По документам белых, Костанди давал указания подчиненным оказать содействие милиции в аресте тех или иных лиц¹⁰¹. Впрочем, в деле об этом эпизоде не упоминалось. Но перечислялись другие. Так, в феврале 1919 г. в Мурманске была арестована группа рабочих по выгрузке судов, которые скупали у английских солдат краденные из английского интендантства продукты и товары. Позднее арестованные были расстреляны. Согласно показаниям 34-летнего капитана Т.Т. Григора, к этому также имел отношение Костанди¹⁰². Был и еще один эпизод. В марте 1919 г. Костанди приказал предать военно-полевому суду 14 арестованных восставших из 2-го Мурманского пехотного полка. Они были расстреляны, что впоследствии инкриминировали офицеру красные¹⁰³. Правда, в организации состоял и Григор, который отделался полуторамесячным арестом, после чего продолжил службу. Таким образом, Григор имел личную неприязнь к Костанди, из-за которого попал под арест, а ранее находился под негласным надзором¹⁰⁴.

По свидетельству генерала И.А. Данилова, «сидя в тюрьме, полковник Костанди получил обвинение в предании суду и утверждении

⁹⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 210.

⁹⁸ Там же. Л. 211.

⁹⁹ Там же. Л. 212.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

¹⁰¹ ГАМО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.

¹⁰² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 203.

¹⁰³ Там же. Л. 203 об.

¹⁰⁴ Там же. Т. 1. Л. 9 об.

смертного приговора четырнадцати человекам в то время, когда он был на Мурмане. Обвинение это было предъявлено по доносу капитана Григор, которого в свое время полковник Костанди удалил с Мурмана как человека неблагонадежного, ибо прибыв туда из Франции уже с темным прошлым, по разложении русских частей, действовавших в Салониках, он и здесь на Мурмане начал ту же деятельность. Лично я помню эту историю и знаю, что он числился у нашей контрразведки в подозрении, но как-то сумел выкрутиться. Теперь-то он и пожелал свести счеты с полковником Костанди. Полковник Костанди говорил мне, что этот донос его особенно не беспокоит, так как, хотя действительно такой случай и был, но эти четырнадцать человек были не большевики, а просто грабители и разбойники, и что они были преданы суду за убийство и грабеж на Мурманской ж[елезной] д[ороге], что известно и большевикам, и, следовательно, состава политического преступления против советской власти у него нет, ибо советская власть пресекает таким же образом разбой и грабеж»¹⁰⁵.

Костанди показал на допросе, что смертные приговоры выносил военный суд. «В отношении того, подписывал ли я смертные приговоры. Да, подписывал 2 приговора, один по чисто уголовному делу 2-х Цветкова и Талалаева гр[ажд]анских лиц, обвиняемых в грабежах, и 5 человек солдат во главе с подпрапорщиком Новиковым за пьянства и неисполнения в нетрезвом виде приказа командира полка, который вслед за этим был мной также отрешен от должности»¹⁰⁶. Первое дело носило исключительно уголовный характер, хотя Костанди признавал, что имел место оговор казненных как соучастников убийства английского офицера¹⁰⁷. Второй эпизод был связан с пьяным бунтом в войсках¹⁰⁸. Таким образом, речь не шла об актах политического террора. Однако для следствия, носившего обвинительный характер, это было неважно. Обвинение в организации расстрела 14 участников антибольшевистского восстания¹⁰⁹ Костанди не признал¹¹⁰.

На допросе 24 августа 1920 г. Костанди рассказал об эволюции своих взглядов и объяснил причины того, что решил остаться в России в начале года: «Я долгое время был сознательным врагом советской

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

¹⁰⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 3 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 5 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 6.

¹⁰⁹ Там же. Т. 2. Л. 203.

¹¹⁰ Там же. Т. 1. Л. 7.

власти, основы[ва]я свои убеждения, главным образом, на том, что эта власть не встречает сочувствия в среде рабочих и крестьян... с конца [19]19 года я пришел к убеждению, что советская власть поддерживается народом и всем российским гражданам надлежит работать в Советской России, а не бежать за границу. Согласно с этим моим убеждением я и остался в России при эвакуации»¹¹¹. В протоколе того же допроса в графе об убеждениях он указал: «Сторонник народоправства»¹¹².

3 июня 1920 г. Костанди просил у особоуполномоченного Иванова о вызове на допрос, так как по состоянию здоровья должен был ложиться в больницу¹¹³. 22 августа Костанди допросил в Ивановском лагере следователь Юрасов, а 25 августа Особым отделом ВЧК было составлено заключение по делу, в котором отмечалось: «Не отрицает, что был долгое время сознательным врагом советской власти и вел активную и упорную борьбу с красными войсками»¹¹⁴. Арестованный обвинялся в контрреволюционной деятельности. Были учтены признания Костанди. Отмечалось, что в деле есть воззвание Костанди с призывом напрячь все силы для борьбы с «мраком большевизма». И хотя этот документ в деле обнаружить не удалось, Костанди признавал факт подписания подобного воззвания в начале мая 1919 г.¹¹⁵ Учитывались и свидетельские показания капитана Т.Т. Григора о причастности Костанди к расстрелу 14 восставших. В постановлении Особого отдела ВЧК от 27 августа предлагалось применить к офицеру высшую меру наказания, а его супругу «как лицо, возвращающее в политических и др[угих] кругах» заключить в концлагерь до конца Гражданской войны, поскольку она могла будировать в пользу мужа¹¹⁶. Так как официальная супруга Костанди жила в Ревеле на неподконтрольной большевикам территории, речь шла, очевидно, о другой женщине, гражданской жене (по-видимому, хлопотавшей за арестованного артистке Светловой).

Тем не менее тогда Костанди по каким-то причинам не расстреляли. 10 декабря 1920 г. его перевели в Кожуховский лагерь, а 13 декабря в заявлении на имя следователя Юрасова арестованный отметил, что,

¹¹¹ Там же. Л. 4–4а.

¹¹² Там же. Л. 2.

¹¹³ Там же. Т. 2. Л. 214.

¹¹⁴ Там же. Т. 1. Л. 17.

¹¹⁵ Там же. Л. 3 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 17 об.

Убийство полковника Костанди.

„W. Маа“ сообщает, что послѣ продолжительнаго пребыванія въ концентраціонномъ лагерѣ въ Москвѣ вмѣстѣ съ другими 45 офицерами убитъ бывш. начальникъ штаба Мор. Кр. им. Петра Великаго полковникъ Костанди. Послѣ 1917 года полк. Костанди служилъ въ бѣлой арміи Архангельска и при занятіи города красными войсками былъ захваченъ въ плѣнъ.

Заметка в ревельской газете «Последние известия» о расстреле Костанди. 1921 г.

будучи в Ивановском лагере, считал, что следствие завершено и он далее будет содержаться в лагере, однако в Кожуховский лагерь был переведен вновь как подследственный¹¹⁷. Костанди пытался узнать, не было ли это ошибкой. Насколько можно судить, это наиболее поздний документ дела за подписью Леонида Васильевича.

Финал приближался неуклонно. Пробыв около года в заключении, в апреле 1921 г. 37-летний полковник был казнен за причастность к расстрелу 14 участников антибольшевистского восстания на Мурмане в 1919 г.¹¹⁸ В некоторых публикациях вслед за свидетельствами генерала И.А. Данилова утверждается, что офицера расстреляли как заложника в числе 47 человек после Кронштадтского восстания¹¹⁹. Однако эти данные неверны. Прежде всего, расстрелянных по делу «Белые офицеры» было не 47, а 50 (фактически никакого единого дела не было, а просто группу бывших белых расстреляли на основании нескольких постановлений Президиума ВЧК). Кроме того, в деле нет указаний на их статус как заложников.

¹¹⁷ Там же. Т. 2. Л. 217.

¹¹⁸ Там же. Т. 1. Л. 7, 10; Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 82.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.; Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 82; Тучков А.И. «Один за всех...» Жизненный путь полковника Костанди // Площадь первоучителей (Мурманск). 2005. № 5. С. 191.

А.В. Чернявский — автор статьи о гибели А.В. Костанди

1 апреля 1921 г. датировано постановление Президиума ВЧК о расстреле Костанди. В тот же день приговор был приведен в исполнение¹²⁰. Полковник А.В. Костанди наряду с другими фигурантами дела (кроме одного) был реабилитирован Генеральной прокуратурой 14 февраля 2001 г.¹²¹ Та же расстрельная участь ждала и защитника Костанди комиссара Кузьмина, и его оппонента чекиста Эйдука, но через 17 лет — в 1938 г., в период Большого террора.

Прежние соратники по белой борьбе на Севере рассчитывали через Костанди узнать о судьбе родных. В частности, генерал Н.А. Ключев надеялся через нейтральные государства запросить Костанди о судьбе своей супруги, оставшейся в России¹²². Разумеется, арестованный помочь ему в этом не мог.

Сыновья Костанди жили во Франции и в Лисичанске. Внук офицера Олег Георгиевич на начало 2000-х гг. проживал в Таллине. Он же опубликовал дневник деда периода Первой мировой войны.

Пожалуй, одну из наиболее точных характеристик Костанди оставил его друг, гвардейский офицер Ю.Д. Бессонов, написавший в своих воспоминаниях: «Это был один из тех немногих офицеров Ген. штаба, которые, пройдя академию, не отошли от офицерской среды. Человек,

¹²⁰ Костанди О.Г. Автор и его время // Вышгород. 2006. № 4. С. 37.

¹²¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 322.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.

за которым можно было идти, человек принципа, воли, силы, разума, идущий во всяком вопросе решительно и без шор»¹²³. Если верить свидетельству Бессонова, Костанди остался в России и пожертвовал жизнью в надежде спасти от репрессий северное белое офицерство.

Можно лишь добавить, что этот принципиальный и темпераментный офицер-идеалист привлекал и привлекает к себе интерес. Так, образ Костанди под именем «полковника Констанди» был выведен знаменитым советским писателем В.С. Пикулем в историческом романе «Из тупика», посвященном борьбе с интервенцией на Севере России. За это произведение Пикунь удостоился литературной премии Министерства обороны СССР за 1987 г.

Возможно, дальнейшие исследования смогут дополнить биографию этой незаурядной исторической личности новыми фактами и обстоятельствами.

Впервые вводимые в научный оборот ниже документы содержат новые данные о Гражданской войне на Севере России, о процессе смены власти на Севере с уходом белых в феврале 1920 г., о репрессивных практиках сторон, о политике в отношении бывших белых офицеров в Советской России, а также о судьбе самого А.В. Костанди. В деле содержатся и публикуются подготовленные арестованным любопытные «Заметки по вопросу о настроениях офицеров со дня прихода союзников в Северную область и до февраля 1920 года». В них Костанди отметил, что старое офицерство вступило в борьбу с большевиками на Севере, прежде всего, ради восстановления антигерманского фронта. Далее он постарался проследить эволюцию настроений северного белого офицерства в 1918–1920 гг. в контексте взаимодействия с союзниками и других факторов. Помимо материалов дела публикуется эмигрантская газетная статья 1923 г. о гибели Костанди.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

¹²³ Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

№ 1

**Рапорт Л.В. Костанди главнокомандующему Северным фронтом
генералу Е.К. Миллеру от 4 июля 1919 г.**Отпуск. Секретно

Генерального штаба

полковник Костанди

4 июля 1919 г.

№ 720

г. Архангельск

Главнокомандующему Северным фронтом

[Надпись другими чернилами:] Подлинный вручен лично ген[ерал]-лейт[енанту] Миллеру¹²⁴ в присутствии вр[еменно] ком[андующего] войсками полк[овника] Данилова¹²⁵ 5/VII [19]19 г. в 12 ч. 30 м. Копия передана офицеру для связи от Ставки Верх[овного] гл[авнокомандующего] Мих[аилу] Кал[истратовичу] Бекиш

Рапорт

Представляя на Ваше усмотрение доклад по вопросу о переходе к активным действиям, доношу, что считаю такой переход неизбежно необходимым ввиду того, что бездеятельность Северного фронта грозит принести России непоправимый ущерб, т.к. дает большевикам возможность сосредотачивать все силы постепенно против каждого из угрожающих им фронтов.

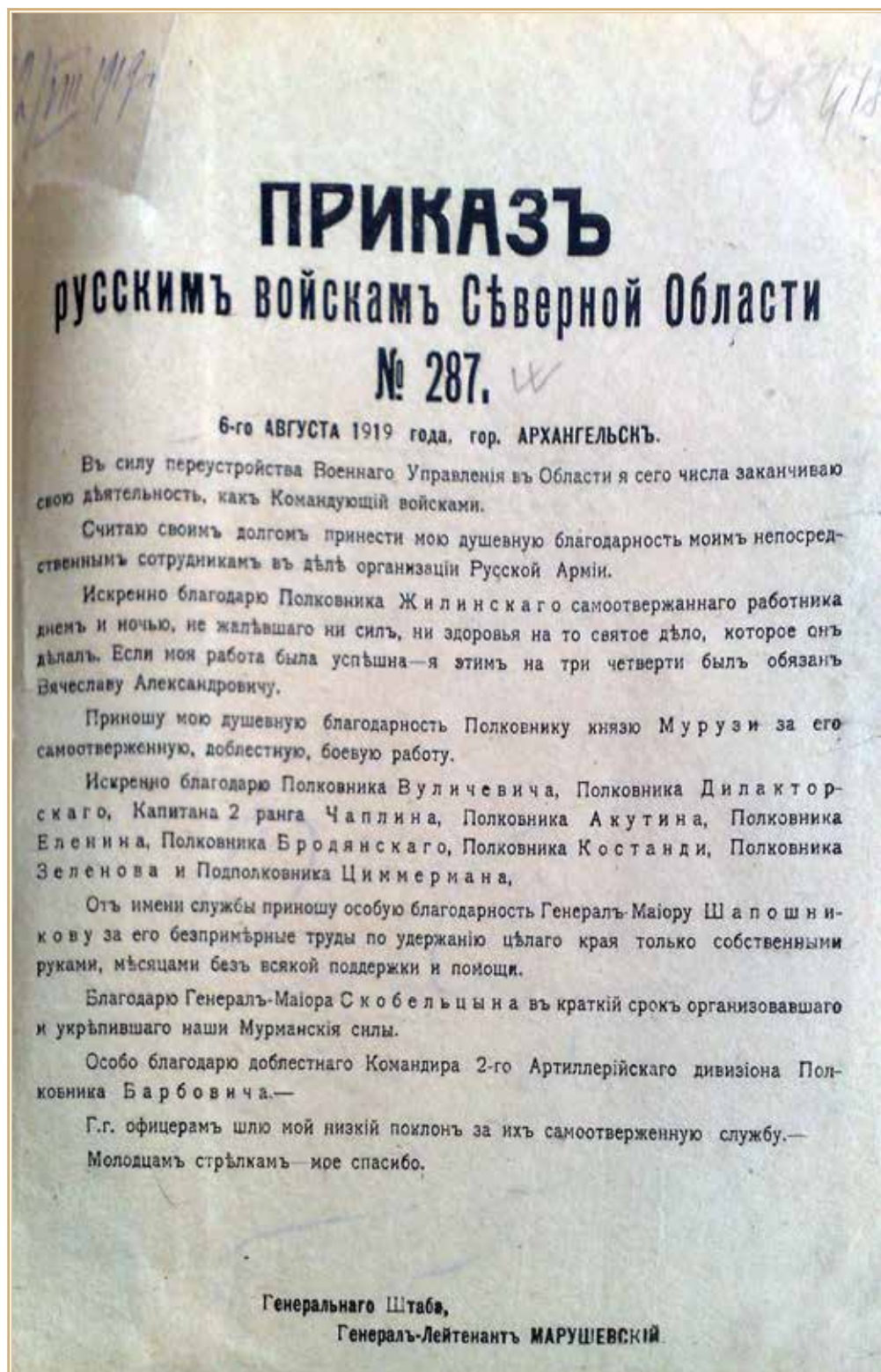
Достигнув значительных успехов на Восточном фронте, большевики по-видимому смогут перебросить большие силы на юг, а может быть, и на север.

Наша пассивность позволяет отдельным шайкам тревожить наш фронт безнаказанно, подрывая настроение на фронте и вызывая панику в тылу.

Безграмотность союзного командования настолько очевидная, что доказывать ее нет никакой надобности, приведет нас к неизбежному поражению, лишь только противник начнет действовать активно.

¹²⁴ Евгений-Людвиг Карлович Миллер (25.09.1867–11.05.1939) — генерал от кавалерии. Главнокомандующий Северным антибольшевистским фронтом (1919–1920).

¹²⁵ Иродион Алексеевич Данилов (26.03.1871–26.05.1954) — полковник (позднее — генерал-майор). Генерал для поручений при командующем войсками Северной области. Временно командующий войсками Северной области на время служебной командировки командующего.

Приказ генерала В.В. Марушевского с благодарностью А.В. Костанди.

Назначение Вас главнокомандующим фронтом дает Вам право и повод теперь же вмешаться в оперативную работу союзников, чего с нетерпением ждут все мало-мальски сведущие в военном деле люди.

Мы должны немедленно стать активными на всех фронтах, иначе мы не вносим своей части во всероссийскую боевую работу, что неминуемо будет поставлено нам в вину.

Приложение. Доклад № 721.

Генерального штаба полковник Костанди

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 206–206 об. Подлинник. Чернила.

№ 2

**Доклад А.В. Костанди главнокомандующему Северным
фронтом генералу Е.К. Миллеру от 4 июля 1919 г.**

Отпуск. Секретно

Доклад

Генерального штаба
полковник Костанди

Главнокомандующему
Северным фронтом
4 июля 1919 г.
№ 721
г. Архангельск

Совершенная безнадежность наступления вверх по Двине, невыгодного во всех отношениях: 1) По расстоянию до цели действий; 2) По условиям подвоза и содействия флотилии — вверх по мелеющей реке; 3) По необеспеченности обоих флангов, а именно под угрозой наступления противника со стороны: а) Средемехреньги на Емецкое, б) Шенкурска на Березники и в) Пинеги на Холмогоры, полагаю вынуждает русское командование изыскивать способ более целесообразного использования времени и сил, нежели опубликованный во всеобщее сведение план действий генерала Айронсайда¹²⁶. План этот при английском способе действий потребует для своего выполнения нескольких лет.

¹²⁶ Уильям Эдмунд Айронсайд (06.05.1880–22.09.1959) — британский военный деятель, генерал. Главнокомандующий войсками Антанты в Архангельске (1919).

Оперативная безграмотность английского командования особенно обязывает русское командование озаботиться подысканием выхода из создавшегося положения.

Я полагаю, что русские войска Северного фронта могут немедленно перейти к активным действиям без участия в наступлении союзников, наметив для этого следующие очередные задачи: I Занятия ст. Плесецкой и II Овладения Онежским озером и районом Пудож — Вытегра.

Выполнение первой задачи обеспечивает г. Архангельск от постоянной угрозы с Железнодорожного направления и сводит три наших участка Онежский, Железнодорожный и Селецкий в один.

Выполнение второй задачи дает нам владение Мариинской водной системой¹²⁷ и системой герцога Вюртембергского¹²⁸.

Общее создающееся после этого положение угрожает большевикам возможностью движения нашего на Череповец для овладения железной дорогой и дальше в тыл Вологды.

Я утверждаю, что план этот выполним при условии немедленного и быстрого его осуществления, для чего необходимо: 1) Снять с Двинского фронта 3-й и 4-й Северные стрелковые полки и все другие русские части, а также все мелкие суда. 2) Перевезти сухопутные части на Онежский участок, а суда — в г. Кемь.

3) Пятью полками 3, 4, 5, 6[-м] и 7-м наступать на ст. Плесецкую.

4) Погрузить все мелкие суда на платформы и спустить в Онежское озеро.

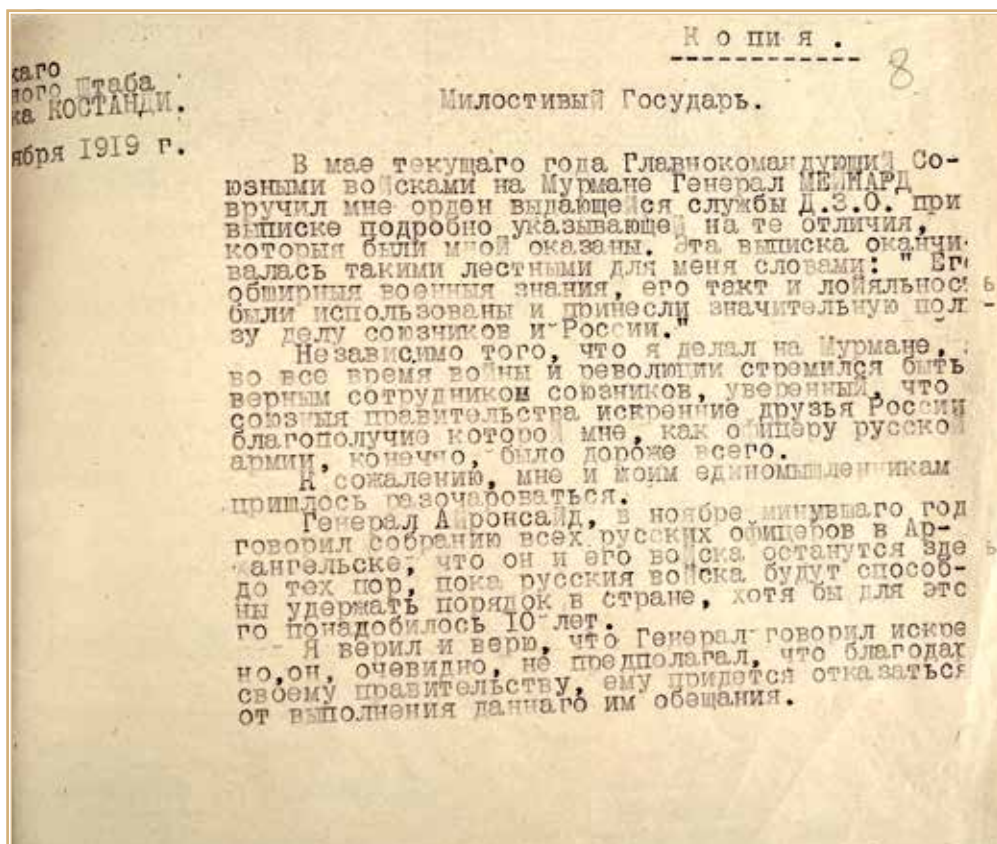
5) Отправить на Мурманский фронт штаб и имущество 1-го Северного стрелкового полка.

6) Распределить роты и команды 2-го Северного полка между 1-м и 2-м полками.

7) Одновременно с наступлением на Плесецкую вести операции по уничтожению большевистских пароходов на Онежском озере и по овладению выходами из Вытегры и Свири, готовя в то же время 1-й и 2-й полки к переброске.

¹²⁷ Мариинская водная система — водный путь, соединяющий бассейн Волги с Балтийским морем.

¹²⁸ Речь идет о Северо-Двинской водной системе, соединяющей посредством Кирилловского канала (канала герцога А. Вюртембергского) между рекой Шекс-ной и Кубенским озером бассейны Волги и Северной Двины. Канал был построен в 1820-е гг. под руководством главнокомандующего ведомством путей сообщения и публичных зданий герцога А. Вюртембергского.

Копия рапорта А.В. Костанди. РГВА

8) Оставить участок Медвежьей горы оборонять союзникам и наступать 1[-м] и 2[-м] полками и отдельным батальоном полковника Круглякова¹²⁹ на Пудож и Вытегру, частью сухим путем, а главным образом, переброской по озеру. Батальон полк[овника] Круглякова выдвинут для обеспечения каргопольского направления.

Для более успешного выполнения намеченных задач необходимо:

- 1) Прекратить формирование штабов бригад и использовать личный, особенно офицерский состав на укомплектование полков.
- 2) Заменить стоящих во главе полков и батальонов крепостных артиллеристов, моряков и неопытных обер-офицеров пехотными штаб-офицерами и штаб-офицерами Генерального штаба, которых избыток и которые использованы нерационально, как, например, полковники: кн[язь] Мурузи¹³⁰,

¹²⁹ Владимир Андреевич Кругляков (09.04.1879–?) — полковник. Командир отдельного стрелкового батальона Мурманского района.

¹³⁰ Александр Александрович Мурузи (18.03.1872–02.07.1954) — князь, полковник (впоследствии — генерал-майор). Командующий русскими войсками Двинского района.

Данилов¹³¹, Борицкий¹³², Бродянский¹³³, бар[он] Таубе¹³⁴, Костанди, Кольчицкий¹³⁵, Ахаткин¹³⁶ и др. 3) Руководство операциями возложить на командующего войсками и его штаб, которому в Онежском районе будет помогать командующий и штаб Мурманского района.

Для того, чтобы союзное командование оказало необходимое содействие и не тормозило работы, просить Верховного главнокомандующего обратиться к союзникам с указанием, что русскому командованию должна быть предоставлена свобода действий, а на союзников ложится задача снабжения и обеспечения порядка в занятых областях, а также содействия нам в закреплении за собой занятых рубежей.

Без самых решительных шагов выхода из создавшегося тяжелого и безнадежно-пассивного положения Северного фронта нет, что ставит Восточный, Южный и Западный активные фронты в тяжелое положение и вызывает справедливые нарекания.

Генерального штаба полковник Костанди

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 207–208 об. Подлинник. Чернила.

№ 3

А.В. Костанди. Заметки по вопросу о настроениях офицеров со дня прихода союзников в Северную область и до февраля 1920 года

Офицерский состав бывшей армии к лету 1918 года был в большинстве своем враждебно настроен к советской власти по причинам всем по-

¹³¹ Полковник И.А. Данилов не являлся генштабистом.

¹³² *Николай Эдуардович Борицкий* (09.05.1876–?) — полковник. И.д. генерала для поручений при командующем русскими войсками Пинежского района.

¹³³ А.В. Костанди неточен, так как С.М. Бродянский не обучался в Военной академии и не имел отношения к генштабистам. *Сергей Михайлович Бродянский* (10.08.1885–1943) — полковник. Командир 8-го Северного стрелкового полка.

¹³⁴ *Борис Александрович фон Таубе*, барон (24.08.1865–22.01.1941) — полковник. Начальник военных сообщений Мурманского района.

¹³⁵ А.В. Костанди неточен, так как З.З. Кольчицкий не обучался в Военной академии и не имел отношения к генштабистам. *Захарий Захарьевич Кольчицкий* (06.02.1872–?) — полковник. Начальник интендантского отделения штаба командующего русскими войсками Северной области.

¹³⁶ А.В. Костанди неточен, так как В.З. Ахаткин не обучался в Военной академии и не имел отношения к генштабистам. *Виктор Зосимович Ахаткин* (12.11.1873–07.10.1920) — полковник. Начальник общего отделения штаба командующего русскими войсками Северной области.

нятым. Главнейшими же все-таки причинами был Брестский мир, развал фронта, выборное начало и все те унижения, которые в связи с этим пришлось вынести офицерству.

Однако наиболее разумное и спокойное офицерство считало возможным продолжать работу в России, главным образом в тех учреждениях, которые не имели ярко политического характера.

В Архангельске большинство офицеров считали открытую борьбу с советской властью безнадежной и нецелесообразной и стремились найти работу вне военной службы. Были случаи, что офицеры организовали небольшие предприятия или старались приобрести какое-либо судно для производства промысла.

Но все же мечта о восстановлении Восточного фронта против Германии при поддержке Антанты существовала и возможность такой поддержки казалась легко осуществимой. Думалось, что высадив значительные силы на Севере, союзники легко дойдут до центра России, что таким образом перестанет существовать власть советов и вновь замкнется кольцо против Германии.

Никаких партийных интересов офицерство не преследовало, особенной классовой ненависти ни к кому не питало¹³⁷ и было воодушевлено, главным образом, стремлением остаться верными союзному долгу.

Идея Учредительного собрания особой популярностью не пользовалась, однако государство мыслилось республиканским и демократическим.

В таком положении застал офицерский состав в Северной области приход союзников. Естественно, что приход этот приветствовался.

Почти немедленно после прихода союзников и создания верховного управления из членов Учредительного собрания почти исключительно эсеров, офицерство почувствовало, что ни с теми, ни с другими ему не по пути, что восстановление Восточного фронта, очевидно, не является основной задачей союзников, а жизнеспособность эсеровского правительства была офицерам хорошо известна по опыту Керенского¹³⁸. Этим обстоятельством объясняется то, что далеко не все офицерство пошло в ряды добровольческих отрядов и Славяно-британского легиона, формируемого англичанами, и осталась пассивной значительная¹³⁹ его часть.

¹³⁷ В документе ошибочно — не пыталось.

¹³⁸ Александр Федорович Керенский (22.04.1881–11.06.1970) — военный и морской министр, министр-председатель Временного правительства.

¹³⁹ В документе несогласованно — значительного.

Дальнейшая политика английского командования, поощрявшего славяно-британское формирование и недружелюбно относившегося как к русскому командованию, так и к офицерам, оставшимся на русской службе, еще более расколола офицерский состав. Начала создаваться и крепнуть вражда к союзникам и особенно к англичанам, усугубленная, кроме того, обращением англичан с местным населением как с населением колонии.

Замена генерала Пуля¹⁴⁰ генералом Айронсайдом несколько улучшила положение, так как последний обратил большее внимание на благосостояние русских войск, а, кроме того, публично, в собрании всех офицеров заявил о том, что правительства союзников решили довести борьбу с большевизмом до полного его уничтожения и восстановить в стране порядок, хотя бы для этого понадобилось десять лет, и что до конца борьбы английские войска останутся в России, после чего будут немедленно выведены.

С этого момента работа по созданию армии на Северном фронте пошла значительно успешнее.

На более непримиримой советской власти позиции стояли местные рабочие, и это создало в офицерской среде представление о том, что действительно они являются защитниками интересов рабочих и крестьян против враждебной им советской власти.

Пассивный образ действий союзного командования на фронте, обнаруживший отсутствие действительного стремления серьезно бороться с советской властью, а мероприятия союзников и находящегося в их [текст на странице обрывается] союзников, так и от правительства, и уже в январе 1919 года даже такие ярые поклонники союзников и славяно-британских формирований, как полковники Мурузи, Вуличевич¹⁴¹, Барбович¹⁴² и др. перешли на службу в русские части.

Боевые успехи Колчака¹⁴³, создание Всероссийского правительства и полупризнание его Европой вновь укрепили в офицерском составе

¹⁴⁰ *Фредерик Катберт Пуль* (03.08.1869–20.12.1936) — британский генерал. Командующий британскими войсками на Севере России (1918).

¹⁴¹ *Борис Николаевич Вуличевич* (21.01.1884–02.1920) — полковник (позднее — генерал-майор). Помощник начальника военных школ.

¹⁴² *Николай Павлович Барбович* (01.04.1887–?) — подполковник. Командующий 2-м отдельным артиллерийским дивизионом.

¹⁴³ *Александр Васильевич Колчак* (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал. Верховный правитель России (1918–1920).

уверенность в возможности продолжать борьбу и вновь подвинули его на более энергичную работу.

Такое состояние продолжалось до лета 1919 года, когда обнаружилась полная безграмотность английского командования на Севере, не сумевшего использовать ни один из благоприятных моментов для перехода к активным действиям.

Лето 1919 года необходимо, таким образом, рассматривать как период, в который окончательно укрепилось недоверие к союзникам, окончательно было осознано то обстоятельство, что Антанта преследует исключительно свои цели и что все красивые слова о долге перед русскими, принесшими большие жертвы в войне с Германией, готовились лишь для наилучшего использования тех, кто этим словам поверил.

Уход союзников из Северной области большинством офицерского состава рассматривался как окончание войны на Северном фронте, однако воспитанные в строгом подчинении воле начальства, хотя и протестовавшие против продолжения борьбы офицеры эту борьбу продолжали, когда под давлением местного населения командование такое решение приняло.

Боевые успехи на Северном фронте после перехода командования в русские руки, когда в борьбе участвовали только русские силы, еще раз подчеркнули то обстоятельство, что при наличии желания и умения вести войну союзное командование имело возможность достигнуть значительных результатов, что еще более укрепило ненависть к Антанта. К моменту ухода союзников уже возникал вопрос о возможности вооруженного столкновения между уходящими и остающимися[ся].

Таким образом, осенью 1919 года и у красных, и у белых был уже один общий враг — Антанта. Наличие этого общего врага, естественно, родило сначала сомнение в целесообразности борьбы, а в дальнейшем и укрепило уверенность в ненужности ее.

В офицерской среде появились разговоры о необходимости воевать с англичанами. Однако наиболее сознательная часть офицерства не смотрела на эту борьбу как на способ отплатить англичанам за все пережитые¹⁴⁴ унижения, а видела необходимость создания таких условий в России, когда можно было бы восстановить разрушающее[ся] хозяйство русскими руками, и понимала, что при победе белых это хозяйство хотя и будет восстановлено, но что вся экономическая жизнь будет всецело

¹⁴⁴ В документе — пережития.

руководиться иностранцами и что Россия окажется полем для эксплуатации ее иностранным капиталом, отчего благосостояние народное ничуть не улучшится. Это обстоятельство создало атмосферу, в которой мир с Советской Россией был популярным лозунгом.

Немаловажную роль сыграло еще и то, что высшее командование было отчуждено от главной офицерской массы, что офицерский состав стал пополняться из солдатской среды, что вследствие трений, происходивших в командной среде, большое количество наиболее активных офицеров под теми или иными предлогами из Северной области выехало, что генерал Миллер и особенно его начальник штаба генерал Квецинский были абсолютно непопулярны в офицерской среде, тогда как советские руководители пользовались заслуженной популярностью.

Вот почему, когда возник вопрос об эвакуации области, когда предстояло офицерам выезжать за границу, во власть тех, избавление которых только что праздновалось, когда будущие задачи, которые могли бы быть даны офицерам иностранными правительствами, были ни для кого не понятны, когда предстояло, окончивши одну безнадежную войну, начать вторую, может быть еще более безнадежную, офицерский состав заколебался и большинство решило оставаться в Северной области.

Сведения о происходящем в Советской республике рисовали картину настолько безнадежную, что отважиться идти на холод, голод, унижение, а может быть и смерть было очень трудно. Никакой офицерской организации, которая могла бы руководить офицерским составом, не было и быть не могло. Вот почему офицерство в момент переворота оказалось разбросанным, не организованным, запуганным и лишь после того, как выяснилось, что осталось в Северной области не только рядовое офицерство, но и видные представители командного состава и что даже некоторые из них, еще до переворота, вошли в сношение с рабочими организациями, чтобы принять участие в переходе власти от бывшего правительства к советам, улеглась растерянность в офицерской среде и прошел кошмар ожидающих расстрелов.

Вот примерно состояние и настроение тех офицеров, которые в большинстве сознательно остались в Северной области. Даже те офицеры, которые остались невольно, теперь, когда они увидели, что все разговоры об ужасах жизни в Советской России были выдумкой, не являются сторонниками борьбы с советской властью.

Наиболее целесообразным использованием офицеров бывшей Северной армии было бы назначение на работу по их довоенной специальности.

Кадровых офицеров, не имеющих других профессий, кроме военной службы, в Северной России мало. Эти офицеры могли бы быть использованы на других фронтах, даже на командных должностях и особенно там, где могла бы быть речь о борьбе с Антантой или с кем бы то ни было Антантой поддерживаемым.

В настоящее время главнейшая задача советской власти и командования — наиболее гуманно отнестись к¹⁴⁵ бывшим врагам и таким способом укрепить в них осознание необходимости работать на пользу Советской России. Нужда в интеллигентных работниках далеко не исчерпана, а потому пренебрегать тысячей интеллигентных людей, имеющих общего с советской властью врага, в большинстве своем пролетариев, было бы нецелесообразным.

Генштаба [Костанди]

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 294–297, 305. Машинопись.

№ 4

Протокол опроса М.И. Верцинского 13 марта 1920 г.

Протокол опроса

1920 года марта 13 дня мною, следователем особого отделения при 18[-й] стрелковой дивизии Р. Драгун опрошен арестованный бывший подполковник белой армии Верцинский¹⁴⁶, который показал: Я, Верцинский Михаил Иванович, 29 лет, уроженец города Кременчуг Полтавской губ. Полковника Костанди я знаю только с 18 февраля с.г., в то время, когда я, будучи командиром запасной батареи Северной области, и узнал, что в Архангельске назревают какие-то важные события и ввиду того, [что] запасная батарея находилась в подчинении генерал-квартирмейстера штаба командующего, то я и обратился в штаб за указаниями. Перед этим полковник Костанди был начальником оперативного отделения штаба командующего Северной области, но когда я явился в штаб и встретил дежурного генерала штаба

¹⁴⁵ В документе — не.

¹⁴⁶ Михаил Иванович Верцинский (около 1890–?) — подполковник. Командир запасной батареи Северной области.

Жилинского¹⁴⁷ и спросил, могу ли видеть генерал-квартирмейстера, на что последний ответил, что вскоре придет полковник Костанди, который вас примет, значит он и был генерал-квартирмейстером, который, когда явился, позвал меня к себе в кабинет и приказал распустить по возможности всех солдат моей батареи, быть готовым выступить со всеми офицерами в любое время и в любом направлении, ждать от него дальнейших распоряжений, поддерживая связь. В это время полковник Жилинский разговаривал по телефону и, как мне удалось понять из отрывочного разговора, то он разговаривал с какою-то начинавшей выходить наружу организацией и часто приглашал к телефону полковника Костанди, который так же с теми же лицами, с которыми говорил и Жилинский, когда уже я ушел в свою батарею, получивши официальные сведения об эвакуации Северной области, то больше никаких распоряжений от полковника Костанди не получал, и раньше до 18 февраля с.г. его не знал, слышал, что он раньше, во время Северной области, был на Мурмане командующим фронтом, а здесь в Архангельске — начальником оперативного отделения штаба командующего Миллера. А о том, как он жил раньше, может дать сведения находящийся в тюрьме капитан Григор¹⁴⁸, который говорил, что сидел из-за полковника Костанди в тюрьме здесь, в Северной области.

Подпись: Верцинский

Следователь Драгун

Заявление

причем¹⁴⁹ относительно полковника Костанди, что 19 февраля во время переворота мною были выставлены до 20 постов и причем Костанди никакой помощи не оказывал, и даже он не знал, где были расставлены посты и что охраняли, притом были арестованы офицеры и в которой группе находились генерал Данилов и полковник Данилов, когда их отправили из штаба в тюрьму, то в это время генерал Данилов и полковник Данилов исчезли из виду из всей группы офицеров. Когда начали наводить справку у арестованных офицеров, они мне сказали, да, был генерал Данилов и полковник Данилов, а сей-

¹⁴⁷ Вячеслав Александрович Жилинский (24.11.1883–25.10.1967) — полковник. Дежурный генерал штаба командующего войсками Северной области.

¹⁴⁸ Тарас Тихонович Григор (1876–?) — капитан. Офицер 1-го автомобильного дивизиона.

¹⁴⁹ Так в документе.

час их нет, куда они делись, этого мы сказать не можем, потом пристаю в штаб¹⁵⁰, то я узнал, что их выдернул из этого строя Костанди с каким-то с поручительства¹⁵¹, но меня это очень удивило, перед кем это они поручились, этого никому неизвестно, тогда я спросил тов. Флимбера, он на это мне ответил, что я тоже поражен, какие могут быть поруки в такое время, тов. Флимбер сказал: это потом разберется, и причем сообщаю, когда штаб Миллера был в городе, то как себя именовали начальником охраны, но не могли сделать распоряжение о задержании всего штаба, когда ледокол с [«]Ярославной[»]¹⁵² вышли за Экономия¹⁵³, и тогда же не были ими сделаны распоряжения, так что нахожу в этом во всем виновным полковника Костанди, что он содействовал уходу всему штабу Миллера, потом было последовало распоряжение, от кого, не могу объяснить, поставить на ледокол [«]Канада[»] два орудия и отправили на второй день 20 февраля, но это тоже не увенчалось успехом, так как [«]Канада[»] была попорчена и вернулась обратно. При чем подписуюсь. Сотрудник из агентурной разведки тов. Барг

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 8–8 об. Незаверенная машинописная копия.

№ 5

Протокол допроса Т.Т. Григора 13 марта 1920 г.

[Карандашная резолюция:] К делу Костанди

Копия

Протокол допроса

1920 года марта 13 [я], вр.и.д. следователя Особого отделения при 18-й стрелковой дивизии Сигизмунд Шмидт, допросил сего числа арестованного штабс-капитана белой армии Григора, обвиняемого в участии в кампании против советской власти.

Из личных показаний выяснилось следующее:

Фамилия, имя и отчество Григор Тарас Тихонович

¹⁵⁰ Так в документе. Вероятно, прибыв в штаб.

¹⁵¹ Так в документе. Очевидно, с каким-то поручительством.

¹⁵² Речь идет об эвакуации белых из Архангельска в феврале 1920 г. на ледокольном пароходе «Козьма Минин» и яхте «Ярославна».

¹⁵³ Экономия — район архангельского торгового порта.

Лета и вероисповедание 34 года, православный
Звание штабс-капитан¹⁵⁴

Местожительство. Местечко Белая Церковь, Василевского уезда, предместье Заречье Киевской губернии. Родные мои проживают по указанному выше адресу. В 1913 году я окончил Киевский политехникум. В момент Февральской революции я проездом жил в гор. Петрограде, где принимал участие в свержении династии. Был я командирован Главным артиллерийским управлением во Францию для усовершенствования мною изобретенного аппарата (аппарата по определению батареи на расстояние и направление по звуку). Из города Петрограда я выехал на Мурман 9 марта ст[арого] ст[иля 1917 г.], откуда на пароходе прибыл в Англию 4 апреля ст[арого] ст[иля]. Из Англии я выехал 6 апреля во Францию. В столовой в Латинском квартале по улице Рю-Глясиер я делал доклад русским эмигрантам о Февральской революции, затем в госпитале для русских раненых я также сделал доклад. Из Франции за то, что я сделал доклады, русскими властями был выслан в Салоники, во 2-ю Особую дивизию¹⁵⁵. В дивизию я с собой привез шесть мешков литературы и очерков русской Февральской революции. За это я был почти всеми офицерами бойкотирован. Благодаря меня, из этой дивизии уехала делегация в Совет рабочих и солдатских депутатов в город Петроград. До моего приезда в Салоники очень многие солдаты не знали о событиях в России. Комитетов там не существовало. В конце концов, к нам через Болгарию начала поступать литература, по которой мы могли узнать о том, что делается в России. В ноябре месяце мы узнали, что власть в России перешла к большевикам и что велись переговоры с Германией о мире. Я там агитировал среди солдат против войны, и за это был во-первых отстранен от командования ротой, а во-вторых, был назначен в Африку, но благодаря того, что я заболел малярией, меня французы оставили.

В мае месяце как неблагонадежного [меня]¹⁵⁶ отправили во Францию в распоряжение коменданта русской [базы в] городе Лавали. Комендантом русской базы мне было предложено [поступи]ть в добровольческий русский легион, я отказался и был уволен со службы, причем оставался совершенно без всяких средств. Затем французы

¹⁵⁴ Т.Т. Григор был произведен в капитаны белым командованием в 1919 г.

¹⁵⁵ 2-я Особая пехотная дивизия входила в состав Русского экспедиционного корпуса и дислоцировалась в Салониках (Греция).

¹⁵⁶ Край листа оторван, с чем связаны пропуски в этой части документа.

абсолютно запретили всем русским выезд в Россию, первая единственная возможность, какая была предоставлена, это было записаться в Славяно-Британский легион пол[ковника] Пуля. Я записался не с целью воевать, а с целью проехать в Россию. В феврале месяце 1919 года я прибыл в Мурманск. В Мурманске, когда я отказался воевать, меня полковник¹⁵⁷ Костанди объявил мобилизованным и назначил во 2-й Мурманский полк. Во 2[-м] Мурманском полку я примкнул к солдатской большевистской организации, организованной подпрапорщиком Кузнецовым. Отправляя меня во 2-й полк, полковник Костанди учредил за мной негласный надзор. Эта организация была раскрыта (кем-то предана), меня отправили в Архангельск под видом якобы на медицинскую комиссию для производства судебного следствия и в Архангельске я просидел в тюрьме полтора месяца, дознание по моему делу производил генерал Данилов (я не был расстрелян только потому, что доносивший на меня или не знал моей фамилии или перепутал). Затем, это было в июле месяце 15-го числа, меня назначили в 1-й запасный полк, там я формировал роту. 22 июля меня отправили [под]¹⁵⁸ Онегу брать ее, в состав роты вошли семь человек офицеров и, вероятно, не меньше солдат из контрразведки, так что действовать было невозможно, больше в боях я не участвовал. После ухода большевиков из Чикueva был назначен чикувским комендантом, где я никак не мог унять свирепство контрразведки во главе с прапорщиком Поповым. Указанные выше лица, офицеры и солдаты из контрразведки следующие: чиновник военного времени Попов, прапорщик Егоров Иван Мосеевич, прапорщик Мамонтов (убит), подпоручик Тильткнек, подпоручик артиллерист Миронов, старший унтер-офицер Яковлев, старш[ий] унт[ер-]офицер [?]нин¹⁵⁹ (об них знают мои солдаты 2-й роты Онежского отряда). 25 ноября я был отправлен в полк по доносу на меня контрразведки. В декабре месяце я заболел и по излечении перед Рождеством прибыл на фронт и пробыл там до 11 января [1920 г.]. Заболев вторично, я был эвакуирован в город Архангельск, в Архангельске пробыл до переворота.

11 февраля как знающий¹⁶⁰ автомобильное дело я был переведен помимо моего желания в автодивизион, на службе я не был, т.к. я лечился

¹⁵⁷ Тогда — подполковник.

¹⁵⁸ Часть документа уходит в переплет дела.

¹⁵⁹ Часть документа уходит в переплет дела.

¹⁶⁰ В документе несогласованно — знающего.

в госпитале. 25 февраля я был арестован во время регистрации, за что, не знаю. Нужно сказать, что все офицеры, прибывшие из Англии, ужасные реакционеры и террористы, среди [н]их я знаю офицеров Онежского отряда террористов: капитан Навацкий¹⁶¹, штабс-капитан Макаренко¹⁶², штабс-капитан Жилинский¹⁶³, подпоручик Шугаевский¹⁶⁴, подполковник Груздев¹⁶⁵, полковник Бугреев¹⁶⁶, подполковник Смаковский¹⁶⁷, штабс-капитан Крюков¹⁶⁸, в Талице¹⁶⁹ они расстреляли 7 человек, принимали участие следующие офицеры: штабс-капитан Крюков, штабс-капитан Макаренко, подпоручик Шугаевский. Начиная от Чикужева, там участвовали в расстрелах полковник Бугреев, подполковник Груздев, подполковник Смаковский вместе с солдатом Адамовичем (между прочим он находится в Архангельске, я его видел 19 февраля). Генерал Данилов расстрелял несметное число солдат (по его приговору). Полковник Костанди расстрелял на Мурмане 14 человек солдат, там был расстрелян подпрапорщик Кузнецов, и почти вся эта организация, в которой я состоял. На заданные вопросы, давал ли Костанди распоряжение взорвать радиостанцию и задержать пароход «Ярославну»¹⁷⁰, я первый раз слы-

¹⁶¹ Вячеслав Александрович Навацкий (21.10.1896–?) — капитан (позднее — подполковник). Командир батальона в антибольшевистских формированиях на Севере России. Попал в плен. Расстрелян.

¹⁶² Владимир Гаврилович Макаренко (13.05.1896–?) — штабс-капитан. Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). Помощник начальника пулеметной команды.

¹⁶³ Возможно, речь идет о подпоручике Жилинском Сергее Александровиче (11.07.1897–?).

¹⁶⁴ Георгий Федорович Шугаевский (01.11.1894–?) — поручик (позднее — штабс-капитан). Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). Командир роты Архангелогородского запасного стрелкового полка.

¹⁶⁵ По имеющимся данным, В.Н. Груздев не прибывал в Северную область из Великобритании. Владимир Николаевич Груздев (21.07.1886–?) — подполковник. Помощник командира 1-го Северного стрелкового полка.

¹⁶⁶ Владимир Михайлович Бугреев (31.01.1888–?) — полковник. Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). В Архангелогородском запасном полку, позднее — в Архангелогородском стрелковом полку. Попал в плен. Расстрелян.

¹⁶⁷ Николай Александрович Смаковский (01.07.1895–?) — подполковник. Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). В Архангелогородском запасном полку, позднее — в Архангелогородском стрелковом полку.

¹⁶⁸ По имеющимся данным, П.М. Крюков не прибывал в Северную область из Великобритании. Павел Моисеевич Крюков (10.01.1894–?) — штабс-капитан. В 1-м Архангелогородском пехотном полку, в 1-м Северном стрелковом полку, в 13-м Северном стрелковом полку.

¹⁶⁹ В документе ошибочно — в Талице.

¹⁷⁰ Правильно — яхту.

шу от вас. О распоряжениях, которые отдавались по телефону взорвать склады и радиостанцию, слышал по телефону редактор «Возрождение Севера» Жилкин¹⁷¹, кем они отдавались, я не знаю, об этом знает Жилкин, так как он рассказывал в камере.

Протокол читал, написано верно: читал Тарас Григор

Вр.и.д. следователя под. С. Шмидт

Дополнено после окончания протокола. За расстрелы произведен в прапорщики Ярыгин Павел, капитан Геруц¹⁷² — террорист.

С подлинным верн[о]: вр.и.д. следователя¹⁷³

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 9–10. Заверенная машинописная копия.

№ 6

Показание матроса А. Степанова от 14 марта 1920 г.

Показание по делу Костанди тов. Степанова

Будучи на службе в речном транспорте помощником кладовщика, при перевороте 19/II [19]20 г., чтобы сохранить[ь] склад от поджога с бензином в количестве 1500 пуд[ов] я обратился за охраной в профессиональный союз, где и служил Костанди. На мое требование дат[ь] мне охрану для сохранения склада с бензином Костанди мне ответил отказом и послал меня в афтодивизион¹⁷⁴, дав мне наряд на 7 человек. На наряд, принесенный мною от Костанди в афтодивизион, мне отказали, потому что если бы дали мне солдат в афтодивизионе по костандину наряду, то семи машинам пришлось[ь] бы стоять[ь] без действия в такое время, а солдаты, бывшие у Костанди в числе 1-й роты, простояли во дворе без действия. По моим соображениям Костанди отказом на мое требование тормозил работу.

14/III [19]20 г. Матрос Андрей Степанов

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 205. Подлинник. Карандаш.

¹⁷¹ Александр Иосифович Жилкин (1882–1921) — журналист, член партии эсеров, редактор газеты архангельской организации партии эсеров «Возрождение Севера». Гласный Архангельского губернского земского собрания (1919). Расстрелян.

¹⁷² Правильно — штабс-капитан. Георгий Круниславович-Стефанович Геруц (30.11.1894–1920) — штабс-капитан. Начальник разведывательного отдела штаба Железнодорожного фронта. Попал в плен. Расстрелян.

¹⁷³ Подпись неразборчива.

¹⁷⁴ Так в документе.

№ 7

Показание Голенищева. Предположительно, март 1920 г.**Сведение**

Я бывал случайно у полковника Костанди¹⁷⁵, и он сделал замечание и даже сделал выговор артиллеристскому офицеру. Почему вы говорит изволили со своим орудием ездит по городу. И даже к чорту на кулички поехали куда-то на Экономию. Я говорит вам делаю выговор, но этот артиллерист сказал я должен это был делат, если бы ранше, то мог бы захватит я Ярославну. Сотрудник Голенищев

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 209. Подлинник. Чернила.

№ 8

Показания И. Козлова. Предположительно, март 1920 г.

Показание по делу начальника развед[ывательного] отд[еления] при штабе главнокоманд[ующего] войск Северной области гр[ажданина] Козлова Ивана (бывшего при перевороте в Архангельске) помощником нач[альни]ка охраны гор. Арх[ангельс]ка

Настоящим собственноручной подписью свидетельствую, что бывший нач[альни]к штаба¹⁷⁶ Миллера полковник Костанди в период переворота 19–22 февраля сего 1920 г. в частной беседе сообщил мне, что начальник разведыв[ательного] отд[еления] при штабе ген[ерал]-лейтенанта Е.К. Миллера (фамилию не помню) находится в черте города Архангельска и просил полковника Костанди узнать мое мнение по отношению к нему — нач[альни]ку разв[едывательного] отд[еления] как белому агенту, занимающемуся расследованием моим делом¹⁷⁷, делом Козлова. Принимая во внимание вышеизложенное, в свою очередь доношу, что полковник Костанди в случае его допроса по делу нач[альни]ка разв[едывательного] отд[еления] белых от вышеписанного отказаться не может.

И. Козлов

(я с 15 ноября 1919 г. по 18 февраля 1920 г. находился в Кег-островском заключении как коммунист)

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 13. Подлинник. Чернила.

¹⁷⁵ Так в документе.

¹⁷⁶ Такую должность Костанди не занимал.

¹⁷⁷ Так в документе.

№ 9

Протокол допроса А.В. Костанди 20 марта 1920 г.

Протокол №

Мною, начальником активной части Особого отдела ВЧК при Реввоенсовете 6-й армии Воробьевым, опрошен полковник Генерального штаба Леонид Васильевич Костанди¹⁷⁸, который показал следующее:

Сын рабочего на бельгийском газовом заводе, где он родился и вырос (в Одессе). Образование получил низшее, окончил городское училище в Одессе. После этого работал на технических курсах почтово-телеграфного ведомства и получил звание телеграфного надсмотрщика. Однако на телеграфную службу не поступил, а держал экзамен на право поступления на военную службу вольноопределяющимся 2-го разряда и поступил на службу в 16[-й] стрелковый полк осенью 1901 года. После окончания Одесского юнкерского пехотного училища выпущен подпоручиком [в] 90[-й] пехотный Онежский полк, квартирующий в г. Ревеле, куда прибыл на службу 30 мая 1905 года. В 1909 году выдержал экзамен в академию Генерального штаба, которую окончил в 1912 году. Возвратился в строй в свой полк для отбытия командования ротой и после объявления войны был назначен в штаб 8-й армии (Брусилова¹⁷⁹) на должность помощника старшего адъютанта, где и нес службу в оперативном отделении до 23 апреля 1915 года. В Генеральный штаб с производством в капитаны переведен 6 декабря 1914 года.

23 апреля командирован в крепость Перемышль для службы в штабе крепости, где и был до дня сдачи крепости 20 мая. За боевые отличия в указанный период войны награжден Георгиевским оружием и орденами Анны 2-й степени с мечами, Станислава 2-й степени с мечами и Анны 3-й степени с мечами и бантом. После эвакуации вследствие контузии, полученной 20 мая в Перемышле, был уволен в 4-месячный отпуск, но вследствие недостатка в офицерах Генерального штаба добровольно явился из отпуска на 3 месяца и 13 дней раньше срока и был назначен старшим адъютантом в штаб Морской крепости императора Петра Великого в г. Ревеле 14 июня 1915 года. В той же крепости получил назначение начальником¹⁸⁰ оперативной части крепости и помощ-

¹⁷⁸ В документе — Кастанди.

¹⁷⁹ Алексей Алексеевич Брусилов (19.08.1853–17.03.1926) — генерал от кавалерии. Командующий 8-й армией (1914–1916).

¹⁸⁰ В документе несогласованно — начальника.

ником¹⁸¹ н[ачальни]ка штаба крепости по сухопутному фронту. Кроме прямых своих обязанностей состоял председателем Эстляндского военно-спортивного комитета, членом Ревельского военно-промышленного комитета, председателем Военно-экономического о[бщест]ва, а с ноября 1916 года — председателем исполнительной комиссии Эстляндского продовольственного совета.

В феврале 1917 года за уходом со службы н[ачальни]ка штаба крепости контр-адмирала Любинского¹⁸² назначен н[ачальни]ком штаба крепости. Состоял членом Ревельского совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета того же совета. Кроме того, состоял председателем Эстляндского продовольственного комитета и уполномоченным по продовольствию Эстляндской губернии до мая 1917 года, когда отказался от должности за невозможностью совместить работу в штабе и в совете с работой по продовольствию. В октябрьский переворот оставался при исполнении служебных обязанностей и членом совета до 8 декабря 1917 года, когда был арестован революционным комитетом по подозрению в злоупотреблениях по должности председателя Военно-экономического о[бщест]ва, но был выпущен на поруки солдат и матросов штаба и команд, мне подчиненных, через сутки. Был командирован армейским комитетом укреплённого района на демобилизационный съезд в Петроград как представитель района 13 декабря того же года. Возвратился со съезда 1 января 1918 года.

По собственному настоянию и настоянию комитета штаба дело о бывших якобы злоупотреблениях по Экономическому о[бщест]ву, состоявших в незаконном получении кожи от интендантства, было передано Революционному трибуналу, который в заседании своем 15 января [1918 г.] постановил считать меня действовавшим на законном основании и оправдал. На другой день, 16 января, я подал в отставку ввиду того, что в это время военнослужащие моего возраста демобилизовались и был уволен без зачисления в ополчение в начале февраля 1918 года. В момент прихода немцев в Ревель, 25 февраля 1918 года, находился в Ревеле, зачислен в число военнопленных, но как проживавший много лет в Ревеле оставлен на свободе. В июне того же года по неизвестным мне причинам арестован по распоряжению штаба экспедиционного немецкого корпуса и после непродолжительного содержания в тюрьме без

¹⁸¹ В документе несогласованно — помощника.

¹⁸² Владимир Александрович Любинский (15.07.1873–04.02.1938) — контр-адмирал. Начальник штаба Морской крепости императора Петра Великого (1915–1917).

объяснения причин и без предупреждения выслан через Нарву в Советскую Россию, где явился в Москву, в Оперативное управление Всероссийского главного штаба и получил предписание отправиться в состав Гидрографической экспедиции Западно-Сибирского района Северного Ледовитого океана (Вилькицкого¹⁸³), куда явился в Петроград 26 июля 1918 года. 27 июля того же года с некоторыми участниками экспедиции, комиссаром экспедиции Шунько¹⁸⁴ и частью команды отправился в Архангельск, где уже находилась главная часть экспедиции. В Архангельске находился на экспедиционном судне «Вайгач» (ныне погибшем¹⁸⁵) в момент прихода в Архангельск союзных войск. В перевороте 1 и 2 августа, как и весь прочий состав экспедиции, активного участия не принимал, стараясь, согласно указаний начальника экспедиции Вилькицкого сохранить за экспедицией чисто-научный характер и этим сохранить экспедицию, ее суда и имущество от возможных покушений со стороны союзников и местных военных властей, как на имущество Советской России.

После многих хлопот плавающей части экспедиции удалось выйти в море 22 августа, я же в составе сухопутной части остался в г. Архангельске. 25 сентября я получил предписание за подписью генерал-майора Самарина¹⁸⁶ явиться в управление командующего войсками для службы в армии. В ответ на это замещающий Вилькицкого капитан 1-го ранга Руденский¹⁸⁷ по моей просьбе уведомил управление командующего войсками, что я имею специальную военно-научную командировку от Генерального штаба и в случае моего откомандирования от экспеди-

¹⁸³ Здесь и далее в документе — Вилькицкого. *Борис Андреевич Вилькицкий* (22.03.1885–06.03.1961) — капитан 1-го ранга (впоследствии — контр-адмирал). Выдающийся полярный исследователь, первооткрыватель Северной Земли. Руководитель Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

¹⁸⁴ *Максим Максимович Шунько* (1888–?) — унтер-офицер, радиотелеграфист. Участник экспедиции Б.А. Вилькицкого на ледокольном транспорте «Таймыр» (1915). Служил радистом на береговой станции Морского Генерального штаба в Петрограде. В 1918 г. направлен в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана к Б.А. Вилькицкому в качестве комиссара.

¹⁸⁵ Ледокольный транспорт «Вайгач» 8 сентября 1918 г. наскочил на подводный риф в районе мыса Ефремов Камень в Енисейском заливе Карского моря. Спасти судно не удалось, и команда перешла на транспорт «Таймыр».

¹⁸⁶ *Сергей Николаевич Самарин* (14.05.1877–01.09.1942) — генерал-майор. Начальник военного управления Северной области и начальник штаба командующего войсками (1918).

¹⁸⁷ *Дмитрий Петрович Руденский* (26.03.1882–14.09.1952) — капитан 1-го ранга. В Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. Позднее — в антибольшевистских силах на Севере России.

ции ответственность за невыполнение данного мне поручения экспедиция возлагает на военно-сухопутное командование. Командовавший войсками Северной области полковник Дуров¹⁸⁸ на этом отношении положил резолюцию, что в случае задержки экспедицией в своем составе необходимых для армии военных специалистов экспедиция будет расформирована, и ей не будет отпускаться средств на содержание. Это обстоятельство вынудило меня оставить работу в экспедиции и перейти в военно-сухопутное ведомство. Однако по моей просьбе я был оставлен в списках экспедиции и числился в командировке.

С 26 сентября 1918 года и по 23 января 1919 года я был н[ачальни]ком канцелярии управления командующего войсками Северной области.

Вследствие разногласий, происшедших между мной и русским командованием в Архангельске на почве угождения англичанам, я был командирован на Мурман, так как архангельское и мурманское английские командования друг другу подчинены не были и, таким образом, я высылался из района действий архангельского командования, которое имело основание быть мною недовольным и в силу этого становился лицом, приятным для мурманского английского командования, всегда конкурировавшего с архангельским.

В должности н[ачальни]ка военного отдела при помощнике генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским краем я состоял с 29 января и по 1 июня 1919 года, когда был смещен генерал-майором Скобелъцыным¹⁸⁹ и оставлен в его распоряжении.

Во время нахождения в этой должности я был подчинен в административном и дисциплинарном отношениях помощнику генерал-губернатора Ермолову¹⁹⁰. В этих же отношениях, а также в смысле строевой подготовки мне были подчинены войска Мурманского края, состоявшие в то время из 2-го Мурманского пехотного полка и головного железнодорожного отряда, имевшего в своем составе 18 человек. В оперативном отношении войсковые части были подчинены английскому командованию.

¹⁸⁸ Борис Андреевич Дуров (20.08.1879–02.08.1977) — полковник. Командующий войсками Северной области (1918).

¹⁸⁹ Владимир Степанович Скобелъцын (12.03.1872–04.01.1944) — генерал-майор. Командующий группой войск.

¹⁹⁰ Василий Васильевич Ермолов (1882–03.1920) — помощник генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским районом, вр.и.д. Олонецкого губернского правительственного комиссара, начальник Мурманского края и Олонецкой губернии при Временном правительстве Северной области. Расстрелян органами ЧК.

Помощник генерал-губернатора (погенгуб) пользовался правами к[оманди]ра отдельного корпуса, я же — правами корпусного командира. Так что по существу высшим представителем военной власти на Мурмане был погенгуб, что вызывало неоднократные недоразумения, т.к. Ермолов постоянно пытался вмешиваться в военные дела, в которых ничего не понимал, пользуясь хорошими отношениями с англичанами и тем, что у меня эти отношения очень скоро испортились, постоянно старался влиять на мои дела через англичан, что в конце концов закончилось моим смещением по обоюдному ходатайству Ермолова и Мейнарда¹⁹¹ — английского командующего.

В военно-судном отношении Ермоловым было возбуждено ходатайство о присвоении ему права учреждать особые военные суды, однако это право было предоставлено генерал-губернатором мне с тем, что предание особому суду должно было состояться по соглашению моему с погенгубом.

Военная милиция, железнодорожная охрана и милиция вообще были подчинены погенгубу. За время моего нахождения на Мурмане мною были учреждены 2 особых военных суда, окончившихся смертными приговорами, а именно: 1) дело Цветкова и Талалаева, обвинявшихся в соучастии в убийстве английского офицера, ограблении церкви в Мурманске, воровстве пишущих машин из канцелярии портового управления, краже, скупке и перепродаже краденого, преимущественно продовольствия и спиртных напитков из вагонов, отправляемых по Мурманской жел[езной] дороге. Цветков и Талалаев были выданы и оговорены как соучастники убийства осужденным до этого в числе других, скольких лиц, не помню, т.к. дело через меня не проходило, неким Шадриным, как теперь стало мне известно от одного из участников этого дела, содержавшегося в одной со мной камере последние три дня Андрея Володина, на почве личных счетов. То, что Цветков и Талалаев были действительно ворами и спекулянтами и что об ограблении ими церкви, краже машинок и продаже краденого было ему известно, говорит и указанный выше Володин. Он же говорит, что участие в убийстве они не принимали. От того же Володина и только три дня тому назад я узнал об истинных причинах убийства английского офицера, происшедшего, как оказывается, на почве споров на политическую тему, происшедших между этим офицером и осужденным Шадриным, Володиным и др.

¹⁹¹ Чарлз Кларксон Мартин Мейнард (1870–1945) — британский генерал. Командующий союзными войсками на Мурмане.

по приговору суда, утвержденному английским генералом Мейнардом еще до получения мною права назначать особые суды. Однако самый суд происходил в момент, когда я на Мурмане был, а именно на второй или на третий день после моего приезда в последних числах января. Дело Цветкова и Талалаева носило чисто уголовный характер. 2) Второй и последний приговор, утвержденный мной, был по делу 5 солдат мурманского полка во главе с подпрапорщиком Новиковым, присужденных к смертной казни за пьянство, неисполнение приказа командира полка и оказание вооруженного сопротивления при арестовании. В кратких чертах дело это состояло в следующем: после выдачи усиленной порции рома напилась пьяной караульная рота, расквартированная при штабе 2-го Мурманского полка в селении Шуерецком. Начальник к[оман]ды, фамилии которого не помню, придя в к[оман]ду, хотел арестовать подпрапорщика Новикова за допущение им пьянства в роте и за то, что он сам был пьян. Подпрапорщик отказался идти под арест и среди людей роты послышались протесты против ареста подпрапорщика. Пришедший в роту временно командовавший полком подполковник Парков приказал подпрапорщику идти под арест и когда тот этого приказа не исполнил, то, обратившись ко всей роте, приказал всем тем, кто не желает участвовать вместе с подпрапорщиком в сопротивлении начальству, выйти из помещения роты; все люди роты ушли из помещения, кроме четырех солдат, оставшихся с подпрапорщиком. Эти пять человек, когда их хотели арестовать, разобрали винтовки и открыли стрельбу, и были арестованы лишь под утро, очевидно отрезвевшие. Крайняя мера, принятая по отношению к пяти указанным лицам, была необходимой в целях поддержания дисциплины в полку.

Других дел уголовных или политических, по которым бы я предал кого-либо суду или, тем более, утвердил смертный приговор, при мне в подчиненных мне частях не было.

6 июня 1919 года я сдал командование войсками на Мурмане генералу Скобельцыну и оставался в его распоряжении, но без дела, до вызова моего в Архангельск в момент решения союзников уходить из Северной области и назначения меня на должность н[ачальни]ка оперативного отделения вновь формирующегося штаба главнокомандующего. Я полагаю, что это назначение состоялось потому, что еще за месяц до него, в начале июля, я подал главнокомандующему рапорт с указанием на то, что необходимо изыскать способы применения русских войск более целесообразнее, нежели это имело место под руководством английского командования.

Я, как и большинство офицеров, в момент ухода союзников считал бессмысленным продолжать борьбу на Северном фронте, однако мое мнение, хотя и поддержанное большинством собравшихся на совещании у генерала Миллера 2 августа офицеров Генерального штаба, о необходимости прекратить борьбу на Архангельском фронте, не восторжествовало, т.к. генерал Миллер в силу решения Земско-городского совещания продолжать борьбу стал на точку зрения Земско-городского совещания. Так как единственным целесообразным способом ведения войны, особенно Гражданской, является наступление, то сторонником активных действий, раз борьба должна была продолжаться, был и я. С политической стороны казалось, что освобожденное от английского гнета правительство будет достаточно демократичным и отвечающим ожиданиям населения. Однако эти ожидания далеко не оправдались, и очень скоро я лично и многие из офицерской среды уже считали продолжение борьбы не только безнадежным, но и преступным предприятием. Никаким разговорам о новой конструкции власти на более демократических началах, созыву представительного органа и т.п. никто уже не верил и оставалось ожидать, пока это сознание проникнет достаточно глубоко в массы и поведет к перевороту, что, в конце концов, и случилось. Никакой организации, которая могла бы совершить этот переворот изнутри, создано быть не могло и не создано до самого переворота. Тем более, нельзя было думать о возможности создания какой-либо сильной военной организации. Когда обнаружилось, что устойчивость войск достаточно поколеблена, а обнаружилось это при наступлении красных войск на Двине, то наиболее сознательные офицеры уже ясно понимали, что до конечной развязки осталось немного дней. Большинство, хотя и не было уверено в том, что ему гарантирована жизнь в Советской России, решило оставаться и не уходить из пределов области.

Однако события протекали значительно скорее, чем это можно было предположить и когда 15-го или 16 февраля я начал переговоры с представителями профессиональных союзов как единственных лиц, которых можно было считать до некоторой степени выражающими мнение трудящихся масс, то я предполагал, что перед нами еще минимум две недели срока. Необходимость установления временной власти до прихода представителей из центра была очевидной, т.к. иначе власть могла оказаться в руках толпы, что грозило громадными разрушениями и потерями, как в человеческих жизнях, так и в боевых материалах. Необходимо было взять в свои руки управление частями, которые не пожелают уходить из Архангельского района для того, чтобы с их помощью

поддержать порядок в районе до прихода советских войск. 17-го числа выяснилось решение правительства эвакуировать Архангельск, и в этот день я просил наиболее знакомого со мной и мне доверявшего унтер-офицера Шнеера, бывшего раньше секретарем исполнительного комитета профес[сиональных] союзов, собрать всех, кого он найдет возможным ко мне для установления способа дальнейших действий.

18-го числа в 2 часа дня ко мне пришел Шнеер, Петров и Преловский, и мы с ними уговорились, что я выдвину перед Миллером вопросы 1) о необходимости немедленного возвращения заключенных на Иоканьге¹⁹², т.к. среди них были элементы, которые могли быть привлечены к работе в первый момент после ухода правительства, 2) недопустимости каких-либо репрессий по отношению к рабочим и населению вообще, 3) недопустимости каких-либо разрушений или уничтожения боевых и продовольственных припасов и 4) немедленной передачи власти представителям рабочих, которые могли бы организовать управление областью до прихода советских войск. Вооруженное восстание было в этот момент совершенно невозможно, т.к. в наших руках не было ни одной войсковой части и главная сила, на которую опиралось командование, — запасный полк, пулеметная школа и танковое отделение, были в городе в сравнительном порядке, и никакой агитации среди них или даже простого осведомления об истинном положении дел допущено не было бы. В 5 часов того же дня я говорил с генералом Миллером по указанным вопросам, и он сказал мне, что в 10 час[ов] вечера будет заседание правительства, посвященное вопросу передачи власти, и что он выдвинет вопрос о передаче ее тем лицам, на которых я указывал. Отход запасного полка, пулеметной школы предполагался ночью с тем, чтобы до окончательной эвакуации штаба и учреждений полк находился на том берегу Двины у Рикасихи. Начало отхода штабных команд и танкового отделения под прикрытием офицерской роты, насчитывавшей в своих рядах 240 штыков, и Датской роты в 80 штыков предполагалось 19 числа

¹⁹² Иоканьга (Иоканга) — место расположения каторжной тюрьмы на Мурманском побережье Кольского полуострова. Начала использоваться антибольшевистскими властями на Севере России с сентября 1919 г. после ликвидации ссыльно-каторжной тюрьмы на острове Мудьюг. В тюрьме в тяжелейших условиях содержались до 1200 человек, включая уголовников. В период существования тюрьмы в ней погибли 333 человека (Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 444). Начальником тюрьмы был капитан И.Ф. Судаков (позднее — расстрелян). Ликвидирована восставшими моряками парохода «Купава» 20 февраля 1920 г. К 20 февраля 1920 г. в живых оставались 576 человек.

в 2 часа дня. На совещание правительства через меня были приглашены представители профсоюзов, которые в дополнение к указанным выше требованиям заявили, что они согласны взять временное управление краем в свои руки при условии, что для командования оставшимся гарнизоном буду оставлен я, что остаться я согласен и что этому не должно чиниться препятствий. Немедленно после этого в штабной типографии были напечатаны воззвания к рабочим и солдатам о предстоящем переходе к советской власти и о том, что для информирования рабочих утром 19-го будут устроены собрания на заводах.

Ночью на 19-е я находился в штабе и неожиданно для себя от пришедшего в штаб дежурного генерала В.А. Жилинского узнал, что команды походным порядком на Онегу вечером 19-го не пойдут, что посадка офицеров и их семейств произойдет между 7 и 9 часами утра на Соборной пристани на ледокол «Минин» и посыльное судно «Ярославна». Я сейчас же позвонил по телефону к Шнееру, через которого держал связь с Временным исполнительным комитетом, и просил его собрать всех, кого можно к 9 часам утра или если можно скорее в штаб. В запасном полку я никого дозвониться не мог, т.к. полк только что выступил, оставшиеся же люди спали. В штабе, кроме меня и чиновника Калыгина, секретаря н[ачальни]ка штаба, которому я сказал о том, что я остаюсь, никого не было. Я приказал позвонить н[ачальни]ку канцелярии отдела снабжения Владимирову, передать ему мое приказание остаться самому и не допустить ухода со своих мест заведующих складами и караульными командами, заявив им, что им гарантирована полная безопасность. После этого я вызвал находившегося в авто-дивизионе поручика Иванова, сообщил ему о том, что дивизион должен оставаться на месте и сохранить все машины в порядке. Какие-либо немедленные боевые действия я считал невозможными, т.к. против соорганизованных офицеров и Датской роты не было никаких реальных сил. Посыльное судно «Ярославна» имело орудия до 6-дюймового калибра (точно не знаю), у нас же никакой артиллерии не было. Весь день 19-го числа прошел в работе по организации отрядов, которые можно было бы использовать для охраны громадного района от Бакарицы¹⁹³ до Экономии, разоружения¹⁹⁴ прибывающих с фронта частей и прекращения возникавших в разных местах грабежей и самочинных обысков и налетов.

¹⁹³ Деревня Бакарица — пригород Архангельска на противоположном берегу Северной Двины.

¹⁹⁴ В документе несогласованно — разоружении.

20-го числа в 7 час. утра я с товарищами Потаповым и Шнеером выехали по жел[езной] дороге для того, чтобы встретить и ускорить продвижение к Архангельску советских войск, и возвратился ночью на 21-е. 21-го главное руководство исходило уже от тов. Кузьмина¹⁹⁵, и вечером 21-го я сдал командование тов. Аквильянову, оставшись еще 22-го комендантом.

В продолжение первых дней до полной ориентировки прибывающих лиц командного состава работал в штабе.

А. Костанди

20/III/[19]20 г.

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 5–6 об. Подлинник. Машинопись. Подпись А.В. Костанди.

№ 10

Протокол допроса А.В. Костанди 20 марта 1920 г.

По вопросу о капитане Григоре и его заявлениях могу показать: Капитан (в то время поручик) Григор прибыл на Мурман в числе 13 офицеров, нанявшихся в английский военном министерстве на службу в войска, находящиеся в занятых англичанами областях России. Английское командование передало этих офицеров с их согласия в мое распоряжение. 10 из них, в том числе поручик Григор, были мною назначены во 2-й пехотный Мурманский полк. Однако еще до отправления в полк некоторые из прибывших офицеров заявили мне о том, что Григор в их обществе говорил о производимых им где-то расстрелах офицеров, и поэтому они считают свою службу с ним невозможной. Командировав однако Григора в полк, я предупредил ком[андира] полка Чарковского о поступившем ко мне заявлении с тем, что если эти заявления повторятся, то ему предоставлено право откомандировать Григора в Архангельск. Откомандирование это без объяснения каких-либо особых причин и состоялось в конце февраля или начале марта [1919 г.]. После этого я не встречал фамилии Григора до моего перевода в Архангельск, где прочел его имя в числе произведенных за боевые отличия в капитаны, и у меня явилась мысль о том, что очевидно бывшие заявления о левизне убеждений Григора были вымыслом, т.к. иначе он не оказывал бы боевых подвигов в белой армии.

¹⁹⁵ *Николай Николаевич Кузьмин* (22.03.1883–08.02.1938) — революционер, член РСДРП с 1903 г. Член РВС 6-й армии.

Относительно заявления капитана Григора о расстреле 14 большевиков по приговору, мной утвержденному, то в предыдущих показаниях я уже сообщил о тех приговорах, которые действительно мною были утверждены.

О н[ачальни]ке Вологодской губернии Латкине¹⁹⁶ могу показать:

Видел его всего один раз у начальника штаба Квецинского¹⁹⁷, 7-го или 8 февраля тек[ущего] года по его возвращении с Печоры. Куда он уехал, мне неизвестно, т.к. за обедом, где мы встретились, он сидел на другом конце стола и со мной никаких разговоров не вел.

Какие полномочия имел Латкин при походе на Яренск, я не знаю, т.к. это шло не по оперативной части. Орлову же специальных оперативных задач не давалось, а ставилось задачей поддержать восстание, организуемое Латкиным в Северо-Двинской губ.

Относительно преследования уходящего на ледоколе «Минин», имеющем на буксире посыльное судно «Ярославна», генерала Миллера и бывших с ним офицеров могу показать следующее:

Как был вооружен «Минин», я не знал, в бою с «Канадой» он отстреливался из одного или двух орудий 75-миллиметрового, приблизительно, калибра. Как была вооружена «Ярославна», тоже точно не знаю, но думаю, что до 6-дюймового калибра, однако при прохождении мимо Соломбалы¹⁹⁸ и Экономии «Ярославна» открывала огонь по отрядам, пытавшимся ее задержать, из орудий примерно 75-миллиметровых. Кто руководил посадкой на суда, точно установить не могу, но старшим морским н[ачальни]ком, распорядившимся походом, был адмирал Иванов¹⁹⁹, по крайней мере, все радио были подписаны им, фактически же думаю, что самой посадкой руководил капитан 1-го ранга Чаплин²⁰⁰ как наиболее энергичный и решительный из всех участвовавших в этом походе. Ледокол «Канада» был возвращен с моря по радио адмирала Ива-

¹⁹⁶ Степан Осипович Латкин (1886–18.04.1927) — чиновник особых поручений по земским и городским делам Временного правительства Северной области. Начальник Вологодской губернии.

¹⁹⁷ Михаил Федорович Квецинский (03.01.1866–31.03.1923) — генерал-лейтенант. Начальник штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами Северного фронта.

¹⁹⁸ Соломбала — район Архангельска.

¹⁹⁹ Правильно — контр-адмирал. Леонид Леонтьевич Иванов (16.11.1875–26.12.1940) — контр-адмирал. Командующий флотилией Северного Ледовитого океана.

²⁰⁰ Георгий Ермолаевич Чаплин (05.04.1886–01.02.1950) — капитан 1-го ранга. Один из руководителей антибольшевистского переворота в Архангельске в августе 1918 г. Руководитель эвакуации белых войск из Архангельска (02.1920).

нова и в Архангельск попал случайно, поздно получив распоряжение о том, чтобы задержаться, не доходя до Экономии. О событиях в Архангельске к[оманди]р «Канад[ы]» ничего не знал. Относительно посылки «Канады» вслед за уходящим «Мининым», бросившим «Ярославну» на Баре, могу сказать, что лично я считал посылку эту нецелесообразной, т.к. она могла повести к потере последнего ледокола, ибо второй из ледоколов «Пожарский» находился в это время в Мурманске и был в руках белых. Кроме того, установка пушек на «Канаду» казалась опасной, т.к. «Канада» имела и без того большую течь в носу через расшатанные грузовые двери и от стрельбы могла быть поврежденной до полной негодности на продолжительный срок. Ночью с 19 на 20 февраля я лично был на «Канаде», пришедшей в Соломбалу, а также в оружейной мастерской военного порта и только после того, как мастера портовой мастерской уверили меня в том, что «Канада» выдержит стрельбу из устанавливаемых 76-миллиметровых пушек, я согласился на вооружение «Канады». В момент окончания вооружения и отправки «Канады» меня в Архангельске не было, и приказ о выходе в море был отдан заменявшим меня на время отсутствия тов. Фимбером по телефону.

А. Костанди

20/III/[19]20 г.

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 7. Подлинник. Машинопись. Подпись А.В. Костанди.

№ 11

Заявление А.В. Эйдука в ЦК РКП(б). 23 апреля 1920 г.

В Центральный комитет РКП

Еще в бытность мою в Москве, вслед за взятием нами Архангельска, я слышал о странной, если не сказать более, линии поведения, принятой членом Реввоенсовета 6[-й] армии тов. Кузьминым в отношении бывших офицеров северной белой армии, попавших в наши руки.

Однако та картина, в которой я лично убедился прибыв в Архангельск в командировку, превзошла ожидания. Большая часть бывших белых офицеров оставлена занимать должности командного состава, а бывший генерал-квартирмейстер белой армии полковник Костанди вознесен на пьедестал, а перед ним превозносящий его заслуги перед Советской Россией тов. Кузьмин, член Реввоенсовета 6-й армии, которая вела героическую борьбу на Северном фронте и окончательно сло-

мила сопротивление белых. Для доказательства справедливости моих слов излишне было бы приводить факт внесения тов. Кузьминым на первое же заседание Архангельского Ревкома предложения выразить благодарность бывшему полковнику Костанди, единогласно отклоненного²⁰¹ Ревкомом или иные факты, которые я узнал на месте, а достаточно ознакомиться с докладом тов. Кузьмина от 21 марта за № 132, в котором он, указывая на неправильность моих действий о Генштабе Костанди, говорит следующее: «Из личных бесед я убедился, что он, благодаря своей ненависти к англичанам и Антанте, безусловно, будет работать на благо Советской России и [за] лояльность его ручаюсь своей головой». Что выражается в этом мягкосердечии тов. Кузьмина, ненависть или что-нибудь другое, предоставляю судить Центральному комитету. Невольно получилось впечатление, что все эти события происходят в ноябре, декабре [19]17 года, когда мы, еще не закаленные в борьбе Гражданской войны, не предвидевшие тех титанических усилий, которые придется приложить пролетариату для закрепления власти, проявляли иногда слабость, следуя подчас не только велениям разума, но и порывам чувств. Краснов²⁰², Пуришкевич²⁰³ и мн[огие] другие факты. (Я думаю) эти годы борьбы нас кое-чему научили, и мы сделали реальными политиками не только на словах. Между расстрелами в Архангельске, которые приписывает мне тов. Кузьмин (заведомо для себя ложно), и его линией поведения в отношении бывших офицеров и полковника Костанди есть средняя линия, диктуемая государственной мудростью, осторожностью, основанная на опыте и не только противоречащая официальной политике Реввоенсовета Республики, но являющаяся прямым исполнением его директив²⁰⁴. Все офицеры белых армий должны направляться в тыл, где производится фильтрация их после соответствующих расследований и в зависимости от результатов решается дальнейшее положение каждого из них. Если бывший полковник Костанди проявил на деле лояльность к Советской России, если он горит ненавистью к англичанам, вполне понятной после их вероломства к белой русской ар-

²⁰¹ В документе несогласованно — отклоненному.

²⁰² *Петр Николаевич Краснов* (10.09.1869–16.01.1947) — генерал от кавалерии. Донской атаман. Один из лидеров антибольшевистского движения донского казачества.

²⁰³ *Владимир Митрофанович Пуришкевич* (12.08.1870–24.01.1920) — политический деятель консервативного направления, монархист, черносотенец. Депутат Государственной думы.

²⁰⁴ Так в документе.

мии, тем лучше для Костанди и выгоднее для нас. Костанди должен быть использован для Красной армии, может быть для высоких должностей, но, конечно, не [на] Архангельском и Мурманских фронтах. Если было признано необходимым принять указанный выше порядок относительно всех белых офицеров, то особенно строго он должен проводиться именно в отношении б[ывшей] северной белой армии вследствие особенностей при ее возникновении. Борьба в Архангельском районе началась после высадки союзных [войск], против которых быстро был сформирован наш красный фронт, вследствие чего можно смело сказать, что почти все быв[шие] офицеры попали в северную армию при посредстве различных контрреволюционных организаций, в таком большом числе существовавших при поддержке иностранных представительств весной и летом 1918 года. При таких условиях слишком смело говорить так, как это делает тов. Кузьмин, о политической безграмотности большинства офицеров северной белой армии. Мне, как находившемуся лично в этот период времени на Вологодском фронте, лучше, чем кому-либо известно, с какими трудностями, с каким риском офицерам приходилось пробираться в Архангельск. Мне больше, чем кому-либо другому известно, сколько из них поплатилось жизнью. Такая обстановка, я полагаю, требовала бы сугубой осторожности, которой совершенно не проявил тов. Кузьмин и грубейшую политическую ошибку которого мне пришлось исправить за свою ответственность.

Не с целью полемизировать с докладом тов. Кузьмина, допустившего, кстати сказать, в нем ряд неправильностей и не в виде ответа на личные его выпады по отношению ко мне, я обращаюсь с настоящей запиской в Центральный комитет. Учитывая лишь интересы революции, я счел себя обязанным дать истинное освещение деятельности тов. Кузьмина, необходимое к принятию [к] сведению комитетом при предстоящем решении о дальнейшем его назначении.

А. Эйдук²⁰⁵

23/IV-[19]20 г.

С подлинным верно: Секретарь опер[ативного] отдела О[собого] о[тдела] ВЧК²⁰⁶

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 14–14 об. Заверенная машинописная копия.

²⁰⁵ Александр Владимирович Эйдук (1886–28.08.1938) — член коллегии ВЧК, председатель Центральной коллегии по делам пленных и беженцев.

²⁰⁶ Подпись неразборчива.

№ 12

Заявление Л.В. Костанди следователю Особого отдела ВЧК
28 апреля 1920 г.

Г[ражданину] следователю О[собого] о[тдела] ВЧК

Заключенного во Внутренней тюрьме

О[собого] о[тдела] ВЧК

Генштаба Костанди Леонида Васильевича

Заявление

Я был опрошен Особым отд[елом] 6[-й] армии 20 марта с.г., причем у меня были спрошены, и я дал сведения главным образом автобиографического характера, более подробные за годы революции.

Перевод из Архангельской губ[ернской] тюрьмы в Бутырскую и особенно перевод в т[юрьму] О[собого] о[тдела] ВЧК дали мне основание считать, что следствие по моему делу не закончено, между тем уже 10 дней после перемещения в тюрьму О[собого] о[тдела] прошло, и я не опрошен. Я вполне понимаю основательность репрессий по отношению ко мне как бывшему штаб-офицеру белой армии и осмеливаюсь возбуждать вопрос об ускорении следствия исключительно из желания скорее выйти из тягостного положения вынужденного безделья.

Имея полную и безусловную возможность выехать за границу, я сознательно остался в Советской России, придя в последнее время к убеждению, что каждый интеллигентный русский гражданин при создавшихся условиях обязан работ[ать] для укрепления военного и хозяйственного положения государства.

Моя работоспособность в период перехода власти к советам в Архангельской губернии как организатора Временного исполкома и начальника военного гарнизона Архангельска и услуги, оказанные республике этой работой, засвидетельствованы особым телеграфным донесением на имя Реввоенсовета Республики Реввоенсов[етом] 6[-й] армии, а также особым постановлением Арх[ангельского] губ[ернского] Ревкома. Засвидетельствовать большие размеры этой работы, ее значение, а также полную мою лояльность могут следующие ответственные работники-коммунисты: член Реввоенсовета-6 Н. Кузьмин, военком 18[-й] дивизии И. Куприянов²⁰⁷ и военком 53[-й] стр[елковой] бригады т. Иссерсон²⁰⁸.

²⁰⁷ Иван Филиппович Куприянов (17.12.1888–22.07.1971) — военный комиссар 18-й стрелковой дивизии (1918–1920).

²⁰⁸ Георгий Самойлович Иссерсон (16.06.1898–27.04.1976) — комиссар 2-й бригады 18-й стрелковой дивизии. Впоследствии — выдающийся советский военный теоретик.

Если в силу естественного ко мне недоверия или отсутствия надобности во мне как военспеце с высшим военным образованием я не могу быть использован по прямой специальности, то я мог бы быть полезным работником в тех отраслях, где мне пришлось работать по выборам, а именно по Всеобучу, как бывший председатель Ревельского военно-спортивного комитета или в области промышленно-экономической, как бывший уполномоченный по продовольствию и председ[атель] губ-продкома Эстляндской губ[ернии], член Ревельского военно-промышленного комитета и председатель Военно-экономического общества. По последней должности мне пришлось организовать и вести в значительных размерах огородничество и животноводство.

Вследствие изложенного прошу об ускорении следствия.

Генштаба Леонид Костанди.

28/IV 1920 г.

Камера № 5

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 210–210 об. Подлинник. Карандаш. Подчеркивания сделаны А.В. Костанди.

№ 13

Заявление А.В. Костанди в следственную часть Особого отдела ВЧК 12 июня 1920 г.

В следственную часть О[собого] о[тдела] ВЧК

Генштаба Костанди Леонида Васильевича

Заявление

Сегодня я узнал об издании советской властью постановления о том, что каждый офицер белой армии, заявивший о своем желании принять участие в борьбе с Польшей или содействовавший скорейшему окончанию Гражданской войны или могущий доказать, что, благодаря ему сохранено для Советской России ценное имущество, будет помилован и ему будет дана возможность работать.

Так как я 1) еще в феврале с.г. заявил советскому командованию о своем желании служить делу обороны государства и подтвердил это вновь в заявлении, поданном 26 или 27 апреля с.г.; 2) безусловно содействовал скорейшему окончанию Гражданской войны своей работой по ликвидации Северного фронта; 3) находясь во главе восставших войск белого Северного фронта, сохранил для Советской России имущество громадной ценности, например: все железнодорожные сооружения на

линии Емца — Архангельск (200 верст), весь подвижной состав, суда военного и торгового флота, портовые сооружения, судоремонтный и другие заводы Архангельского района, бронепоезда, танки, все склады боевого и интендантского имущества, все склады продовольствия и других видов снабжения населения и пр.; 4) т.к. мне нет даже надобности доказывать подлинность указанной выше работы, ибо она отмечена особым донесением, в конце февраля с.г. Реввоенсовета 6[-й] армии за подписью командарма 6 Самойло²⁰⁹ и военкома Орехова²¹⁰, Реввоенсовету Республики, а также особым постановлением Арх[ангельского] губ[ернского] Ревкома и 5) т.к. кроме пребывания в рядах белой армии никаких других преступлений против советской власти и преступлений вообще мною не совершено, то я прошу возбуждения в срочном порядке вопроса о применении ко мне указанного выше постановления советской власти.

Генштаба Л. Костанди

12/VI 1920 г.

Внутренняя тюрьма

О[собого] о[тдела] ВЧК

Камера 5

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 211–211 об. Подлинник. Карандаш.

№ 14

Заявление Л.В. Костанди в коллегия Особого отдела ВЧК

20 июня 1920 г.

В коллегия Особого отдела ВЧК

Костанди Леонида Васильевича

(бывшего полковника Генерального штаба)

Заявление

25 марта с.г. я привезен в Москву в распоряжение О[собого] о[тдела] ВЧК и до настоящего времени по моему делу не допрошен.

29 апреля с.г. особоуполномоченный Иванов, вызвавший меня после поданного мною заявления, сообщил мне, что никаких особых обвинений, кроме нахождения в составе белой армии, мне не предъявляется и что я задержан лишь для регистрации. Он же сообщил мне, что

²⁰⁹ Александр Александрович Самойло (23.10.1869–08.11.1963) — бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Командующий 6-й армией.

²¹⁰ Александр Михайлович Орехов (Маликов) (06.1887–29.03.1951) — революционер, член РСДРП с 1907 г. Член РВС 6-й армии, председатель Ревтрибунала 6-й армии.

предполагает начать мой допрос в ближайшие недели и закончить дело, во всяком случае, не позже 20 с[его] июня.

Т.к. я неоднократно, лично советскому командованию и письменно в заявлениях от 27 апреля и 12 с[его] июня заявлял о своем желании принять участие в обороне государства и т.к. кроме нахождения в белой армии никаких других преступлений ни против советской власти, ни преступлений вообще мною не совершено, то прошу Особый отдел ВЧК ускорить мое дело и дать мне возможность принять участие в текущей войне с Польшей.

Генштаба А. Костанди

20 июня 1920 г.

Внутренняя тюрьма

О[собого] о[тдела] ВЧК

Камера № 5

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 212. Подлинник. Карандаш.

№ 15

Из протокола допроса А.В. Костанди в управлении

Особого отдела ВЧК 24 августа 1920 г.²¹¹

Показания по существу дела²¹²

Я сын рабочего Василия Константиновича Костанди, работающего на газовом заводе в Одессе сначала чернорабочим, затем весовщиком и, наконец, конторщиком. Умер отец [в] 1917 году, за полгода перед этим только оставив службу на 71 году. Я родился на заводе, окончил городское низшее училище, после этого работал в мастерских почто-телеграфного округа и готовился к должности надсмотрщика телеграфа, на каковое звание и выдержал экзамен, одновременно, дабы поддержать себя и семью материально, пел в хоре.

Выдержав экзамен на надсмотрщика, я не пошел служить, а держал экзамен на вольноопределяющегося II разряда и в 1901 году поступил на службу в 16[-й] стрелковый полк, в следующем году поступил в юнкерское училище в Одессе, которое окончил в 1905 году и определен в 90[-й] пехотный Онежский полк в Ревеле. В 1909 году держал экзамен в академию Генерального штаба, которую окончил в 1912 году, до

²¹¹ Первая страница протокола с анкетными данными не публикуется.

²¹² Фраза впечатана типографским способом. Примечание документа: Показание снимается в первом листе.

1914 года командовал в полку ротой для ценза и в 1914 году одновременно с объявлением войны был назначен в штаб 8[-й] армии Брусилова штабс-капитаном и с переводом в Генеральный штаб того же года произведен в капитаны. Февральская революция застала меня в чине подполковника и в должности помощника начальника штаба Морской крепости императ[ора] Петра Великого в Ревеле. Вследствие ухода начальника штаба адмирала Любинского одновременно с революцией я был назначен начальником штаба крепости. С первого дня революции я был членом Ревельского совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета Ревельского совета р[абочих] д[епутатов].

1) На вопрос, как отнестся к февральскому перевороту, скажу: К февральскому перевороту отнестся я приветственно вследствие происхождения моего из рабочей среды. После личного знакомства с Керенским 10 апреля в Ревеле, когда он еще был министром юстиции, относился к нему отрицательно, как [к] неспособному управлять государством. Такие же взгляды были и на все Временное правительство. Октябрьская революция застала меня в той же должности в Ревеле. Переворот прошел спокойно, лично я не был сторонником власти советов, однако никаких шагов сопротивления не предпринимал.

Был сторонником Учредительного собрания. Отрицательное мое отношение к власти советов и диктатуре пролетариата основывалось на том, что из личного своего опыта работы в совете я пришел к убеждению, что совет в том составе, в каком он был, а другого состава по местным условиям быть не могло, не в состоянии справиться со сложной задачей управления краем и войсками. Эту же точку зрения я высказал в первом заседании советов после переворотов²¹³, указав, как на выход, на необходимость сохранения, а не разрушения аппаратов управления. 8 декабря 1917 года я был арестован ревкомом в подозрении преступления по службе в том, что я без оснований выдавал кожу для офицерских надобностей. Но на следующий день по просьбе команды штаба был выпущен на поруки команды. Будучи противником выборного начала, я отказался выставлять свою кандидатуру на какую бы ни было должность на предстоящих в это время выборах и вместо меня нач[альником] штаба 12 декабря был выбран нач[альник] штаба²¹⁴ подполковник Левенец²¹⁵. Я же 14 декабря был командирован

²¹³ Так в документе.

²¹⁴ Так в документе.

²¹⁵ Борис Владимирович Левенец (27.07.1877–?) — подполковник. Начальник штаба Морской крепости императора Петра Великого.

армейским комитетом на съезд по демобилизации в Петроград, откуда 1 января вернулся в Ревель. 15 января я был оправдан трибуналом и на другой день подал в отставку, т.к. в это время мои сверстники увольнялись со службы по демобилизации. Уволенный с февраля со службы, я остался жить в Ревеле, где меня и застала немецкая оккупация. 2 июля [19]18 года я был арестован немецкими властями и без объяснения причин 4 июля выслан через Нарву в Россию. Приехав в Москву, я явился во Всероссийский главный штаб, заявил о своем желании вновь поступить на службу и был командирован в Гидрографическую экспедицию Ледовитого океана, в составе которой 27 июля выехал из Петрограда в Архангельск. Объясняю свое желание служить в Советской России тем, что в это время уже намечалось улучшение в вопросах управления в армиях, а главным образом, отвергнуто выборное начало, все же я предпочел службу в чисто научном учреждении, а не в строевой части армии. Во время моего нахождения Архангельск был оккупирован союзниками, и вся экспедиция в полном составе осталась в Архангельске. В конце сентября я получил предписания от командующего войсками белой армии явиться на службу в армию, несмотря на отказ со стороны экспедиции меня откомандировать, предписание было повторено с угрозой расформировать экспедицию. С октября 1918 года и по январь 1919 года я занимал должность начальника канцелярии управления командующего войсками Северной области.

2) Как лично я, так и местное офицерство, не будучи сторонником борьбы собственными силами с советской властью, видели однако во вмешательстве союзников путь к установлению другой, более приемлемой для нас власти, а кроме того, надеялись при восстановлении Восточного фронта вновь принять участие в борьбе с Германией и тем самым ликвидировать позор Брестского мира, к которому я относился совершенно отрицательно. В работах контрразведки никакого участия не принимал. В отношении делал ли я какие воззвания или приказы. Да, объявлен приказ во время признания Северным правительством²¹⁶ Всероссийского омского правительства²¹⁷ в первых числах мая [1919 г.], в котором призывал направлять усилия в борьбе с советской властью. В отношении того, подписывал ли я смертные приговоры. Да, подписывал 2 приговора, один по чисто уголовному делу 2-х Цветкова и Талалаева гр[ажд]анских лиц, обви-

²¹⁶ Временное правительство Северной области — антибольшевистское правительство, верховный орган власти в Северной области в период с октября 1918 г. по февраль 1920 г.

²¹⁷ Речь идет о правительстве, существовавшем в 1918–1920 гг. при режиме Верховного правителя адмирала А.В. Колчака.

няемых в грабежах и 5 человек солдат во главе с подпрапорщиком Новиковым за пьянства и неисполнения в нетрезвом виде приказаний командира полка, который вслед за этим был мной также отрешен от должности за неумелое обращение с солдатами, выразившее[ся] в том, что он вступил в разговор и отдавал приказания пьяным. До дня эвакуации правительства Северной области и белого командования я был начальником оперативного отделения штаба главнокомандующего. Перед эвакуацией вследствие своего знакомства с наиболее популярными в рабочей среде бывшими членами исполнительного совета профсоюза и отсутствия каких бы то ни было других рабочих организаций, я, решив остаться в Советской России и не уезжать с другими за границу, предупредил представителей рабочих о предстоящей эвакуации и принял участие в совещании по организации временной власти в Архангельске до прихода советского командования и установления нормального советского управления и по назначению Временного исполнительного комитета с 19 февраля исполнял обязанности начальника охраны г. Архангельска и начальника гарнизона, в каковой должности был утвержден Реввоенсоветом 6-й армии до прихода в Архангельск начальника 18[-й] дивизии²¹⁸, которому и сдал должность. До ареста больше ничем не занимался, помогая иногда находившему[ся] в Архангельске старшему из войсковых начальников члену Реввоенсовета Кузьмину разбираться в незнакомой ему обстановке.

После ареста был отправлен в Москву [в] О[собыи] о[тдел] ВЧК. Я не отрицаю того, что я долгое время был сознательным врагом советской власти, основы[ва]я свои убеждения, главным образом, на том, что эта власть не встречает сочувствия в среде рабочих и крестьян. Это несоответствие я видел как в Эстонии, так [и] в Архангельской губернии. Успешное и быстрое продвижение Колчака и Деникина было, по моему мнению, результатом сочувственного отношения к ним населения. Такой же быстрый их развал дал мне понять, что народ при сравнении двух властей становится на сторону красных.

Еще более показательным для меня примером было то обстоятельство, что дошедший на 10 верст от Петрограда Юденич²¹⁹ не вызвал восстания в Петрограде, а, следовательно, все разговоры и недовольства властью рабочих, солдат и матросов оказались ложными. Таким обра-

²¹⁸ Вр.и.д. начальника 18-й стрелковой дивизии в феврале 1920 г. являлся Михаил Сергеевич Филипповский (10.02.1896–08.01.1956).

²¹⁹ Николай Николаевич Юденич (18.07.1862–05.10.1933) — генерал от инфантерии. Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. Вождь Белого движения на Северо-Западе России.

зом, с конца [19]19 года я пришел к убеждению, что советская власть поддерживается народом и всем российским гражданам надлежит работать в Советской России, а не бежать за границу. Согласно с этим моим убеждением я и остался в России при эвакуации.

Правильность показаний подтверждаю

Л. Костанди

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2 об.–4а. Подлинник. Чернила.

№ 16

А. Черниговский²²⁰. Поднятая завеса. Как погиб Л.В. Костанди²²¹

Даже бездонное море и крошечный ад рано или поздно отдают свои жертвы.

Как-то само собою выходит так, что с течением времени приподымается покров, скрывающий от глаз самые недоступные и, казалось бы, навсегда неразрешимые тайны.

Знаменитый английский писатель и фантаст Герберт Уэлс²²² мечтал о так называемой «машине времени».

Это было бы какое-то особое приспособление, при помощи которого мы, люди кратковечной и преходящей данной исторической полосы, получили бы волшебную власть поворачивать обратно ту роковую фильму, на которой с кинематографической быстротой несутся мимо нас в потоке все стирающего времени люди, годы, факты и события...

Нет пока этой волшебной машины.

Мертвые молчат.

Но иногда — в условиях недавно пережитого революционного кошмара — из туманного и кровавого далека, окутывающего все еще жизнь

²²⁰ Псевдоним Александра Васильевича Чернявского-Дубинского (02.02.1884–?) — сотрудника ревельской газеты «Последние известия».

²²¹ В архивном деле из фонда парижского Общества северян по собиранию и изданию материалов о Гражданской войне на Севере Европейской части России в 1918–1920 гг. помещена вырезка с публикуемой статьей из ревельской газеты «Последние известия», которую предваряет следующее письмо генералу Е.К. Миллеру от 18 июля 1923 г.: «Ваше превосходительство, дорогой Евгений Карлович. Прилагаю Вам при сем статью о Костанди, присланную мне из Ревеля Н.И. Каменецким. Полагаю, что она Вам будет интересна. Искренно Вас любящий М. Гамильтон» (ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 1). Автором письма был адъютант генерала Е.К. Миллера лейтенант граф Михаил Владимирович Гамильтон (25.09.1890–15.03.1975).

²²² Герберт Джордж Уэлс (21.09.1866–13.08.1946) — английский писатель и публицист.

подлинной России там, за рубежом, от времени до времени обрисовываются четкие и подлинные контуры лиц и событий еще недоконченной жуткой истории этих звериных и страшных четырех лет.

Вчера по делу об обстоятельствах, сопровождавших гибель бывшего начальника штаба Морской крепости императора Петра Великого, подло оклеветанного большевиками полковника Леонида Васильевича Костанди, я получил из Гунгербурга²²³ письмо, снимающее последнюю темную тень недосказанного и недовыясненного...

Ниже помещенные строки принадлежат перу известного в Эстонии офицера, бывшего командира батареи ревельской крепостной артиллерии и ныне лейтенанта эстонской службы А.А. Мусича²²⁴.

Вот что пишет мне из Гунгербурга А.А. Мусич:

«Черные дни Северной области начались, собственно, в конце января 1920 года.

25 числа генерал Миллер начал переговоры с местными общественными кругами о создании фактически в то время не существовавшего правительства Северной области.

3 февраля собралось архангельское областное собрание.

Через несколько дней, в ночь с 7 на 8 февраля в одном из лучших для того времени полков области — в третьем — произошло вооруженное восстание²²⁵.

Солдаты арестовали и частью перебили офицеров.

Красные перешли в наступление, и бунт закончился в результате прорывом фронта.

Генералом Миллером был разработан технически совершенный, но практически трудно осуществимый план эвакуации области, основанный всецело на постепенном отходе частей армии к Мурманску.

14 февраля положение области стало грозным.

А уже 17-го был принципиально решен вопрос об эвакуации, которая должна была начаться в 3 часа дня 19 февраля.

²²³ Город Нарва-Йыэсуу в Эстонии.

²²⁴ Александр Адамович Мусич — лейтенант эстонской армии.

²²⁵ Речь идет о восстании в 3-м Северном стрелковом полку в Железнодорожном районе в ночь на 8 февраля 1920 г. В ходе восстания были убиты несколько офицеров. В результате начался отход частей фронта от станции Плесецкая.

До этого срока всем было приказано оставаться на своих местах.

При подготовке эвакуации возник вопрос о судьбе огромного имущества армии, для вывоза которого не было ни времени, ни средств, а также — вопрос о том, кому передать власть после ухода белых».

Такой переходной властью по плану генерала Миллера должен был явиться совет профессиональных союзов.

На соединенном заседании правительства и союза делегация, избранная от имени последнего, согласилась принять на себя власть, поставив, однако, командованию и правительству ряд условий.

Между прочим, в числе условий профессиональными союзами было выставлено требование, чтобы в качестве командующего в Архангельске остался полковник Л.В. Костанди.

— Надо сказать, — пишет несколькими строками раньше лейтенант Мусич, — что активно бороться с большевиками на мурманском фронте покойному пришлось до этого очень мало.

План наступления белых, разработанный Л.В. Костанди, был с успехом проведен в жизнь.

После этого его отозвали в Архангельск, и ему, несмотря на просьбы о возвращении на фронт, поручена была только чисто канцелярская работа в тылу.

— Почему? — ставит вопрос А.А. Мусич.

— Дело в том, что покойного Л.В. Костанди почему-то считали «красеньким».

Подобного рода репутации довольно легко создавались в тылу северной армии.

Иногда под них в спешке попадали и уже совершенно не причастные ни к какой «левизне» лица, как, например, полковник князь Мурузи — кадровый офицер и убежденный монархист.

Так пишет А.А. Мусич. Увы, добавим от себя: бывало.

Всякое бывало в этом отношении.

И далеко не в одном Архангельске.
Но бывало, правду сказать, и обратное.
Как бы то ни было, но полковник Л.В. Костанди, извещенный по телефону командованием области, согласился.

Почему?

— Мне думается, — меланхолически замечает по этому поводу А.А. Мусич, — что наиболее вероятным ответом будет указание на разочарование в Гражданской войне: в поводах для этого, увы, не было недостатка.

Я позволю себе не согласиться с мнением А.А. Мусича.

Покойный Л.В. Костанди был офицер и деятель редких, почти исключительных дарований.

Но у него тоже был несомненный и своеобразный демагогический уклон, которым грешили в то время многие представители командования русской армии.

А эти его черты, очевидно, и привели его к общению с профессиональными союзами — сообществом, по меньшей мере, социалистического типа, за двусмысленную и соглашательскую политику которого в отношении большевиков покойный и расплатился своей гордой и умной головой.

...19 февраля 1920 года, около 10 часов утра генерал Миллер со штабом, ранеными и иностранными и некоторыми русскими частями эвакуировался.

А в ответ на просьбу совета профессиональных союзов, сбросившего теперь свою маску, поскорее прийти в оставленный белыми город, комиссар Красной армии Кузьмин потребовал полковника Костанди и делегатов союза к себе на станцию Обозерскую в качестве заложников, гарантирующих искренность этого призыва.

Убедившись из разговора с Костанди и делегатами, что фронт ликвидирован, командующий красными ускорил продвижение, и на третий день над павшим Архангельском взвился красный флаг.

Конечно, начался учет оставленного армией имущества и складов боевых припасов и снаряжений.

– Как Вы видите, заканчивает А.А. Мусич, — по самому ходу вещей, покойный Л.В. Костанди, необдуманно согласившийся принять на себя какую-то странную «роль представителя», отнюдь не был и не мог быть тем перелетом²²⁶ и изменническим сдатчиком, каким обрисовало его лживое большевистское радио.

Остается досказать немного.

Первый, сравнительно «гуманный» период властвования большевиков быстро закончился.

Комиссара Кузьмина убрали за «излишнюю мягкость», несмотря на то, что и при нем работал уже уполномоченный Особого отдела ВЧК.

Приехал палач Эйдук, началась работа заплочных дел мастеров.

Л.В. Костанди был арестован по обвинению в расстреле на мурманском фронте 9 коммунистов.

В конце марта Эйдук, получивший «высокое назначение» во внешторге²²⁷, увез в Москву 340 наиболее видных контрреволюционеров и в том числе и Л.В. Костанди.

Там, в подвалах московской чека и оборвалась эта жизнь, обещавшая дать так много, много...

Зачем пишет мне А.А. Мусич?

Заключение его письма очень характерно:

– Многоуважаемый А.В., вижу, как я был неправ, нападая на Вас за некролог покойному.

Эту сводку фактов привожу по воспоминаниям члена последнего правительства спасения Северной области, напечатанным в IX томе «Архива русской революции»²²⁸, где Вы можете всегда меня проверить.

²²⁶ Перелет — в устаревшем значении перебежчик.

²²⁷ А.В. Эйдук в 1920–1921 гг. являлся начальником отдела местных заграничных агентур Наркомата внешней торговли.

²²⁸ Речь идет о воспоминаниях: Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 5–90.

Машины времени у нас нет.

Но есть зато, к счастью, чуткая совесть искренних и честных русских людей, побуждающая их исправлять свои ошибки, чтобы «на душе как-то стало спокойнее».

Я искренно и горячо благодарен А.А. Мусичу, без которого когда бы еще дошел до нас при нашем эмигрантском бескнижье том IX «Архива русской революции».

Теперь, значит, все разъяснено и выяснено.

Покров тайны окончательно приподнят, и тени рассеялись.

Слово за местным русским обществом, среди которого здесь, в Ревеле, остались у Л.В. Костанди в крайней нужде жена и подросток-сын, воспитанник русской гимназии.

А те, у кого на руках хранятся ценности покойного, временно переданные им в минуту излишней доверчивости и спешки при выезде Л.В. Костанди из пределов Эстляндии, оккупированной германцами, те должны знать:

– Если сознание обязанности вернуть незаконно присвоенное Вам еще не ясно, то есть еще в Ревеле независимый и справедливый суд, который Вас к этому принудит...

Берегитесь, если все мы здесь в один черный момент огласим Ваши имена и крикнем Вам:

– Идем на Вы!²²⁹

Александр Черниговский

Черниговский А. Поднятая завеса. Как погиб Л.В. Костанди // Последние известия (Ревель). 1923. № 164 (930). 11.07. С. 2; ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

Материал представляет первую публикацию документов следственного дела пленного белого офицера полковника Л.В. Костанди — видного участника Белого движения на Севере России.

²²⁹ «Иду на вы!» — легендарная фраза киевского князя Святослава Игоревича перед началом войны. Устойчивое выражение, обозначающее поход на врага или объявление войны.

REFERENCES

1. *Eremina L.A.* Stranicy zhizni sem'i K.K. Kostandi [Pages of life of the K.K. Kostandi family] // *Visnik Odes'kogo hudozhn'ogo muzeyu* (Odessa). 2015. № 2. P. 65–78.
2. *Kostandi O.G.* Avtor i ego vremya [The author and his time] // *Vyshgorod. Literaturno-hudozhestvennyj obshchestvenno-publicisticheskij zhurnal* (Tallin). 2006. № 4. P. 20–38.
3. *Kostandi O.G.* Kostandi — brat Kostandi [Kostandi — Kostandi's brother] // *Deribasovskaya — Rishel'evskaya* (Odessa). 2007. № 28. P. 253–269.
4. *Kruchinin A.S.* «Ya preprovozhdayu vam znaki ordena» [«I transmit to you the signs of the Order»] // *Voennaya byl'* (Moskva). 1995. № 7 (136). P. 44–49.
5. *Kuznecov N.A.* «Vernul Rossii pravo na pochetnoe mesto v ryadu stran — issledovatel'nic arkticheskikh morej». K biografii B.A. Vil'kickogo [«Returned to Russia the right to an honorable place among the countries exploring the Arctic seas». To the biography of B.A. Vil'kitsky] // *B.A. Vil'kickij i Gidrograficheskaya ekspediciya Severnogo Ledovitogo okeana v 1914–1915 gg.: sb. dok. M.: Kuchkovo pole Muzeon, 2022. P. 40–80.*
6. *Ovsyankin E.I.* Na izlome istorii. Sobytiya na Severe v 1917–1920 gg. Mify i real'nost' [At the breaking point of history. Events in the North in 1917–1920. Myths and reality]. Arhangel'sk: Arhkonsalt, 2007. 560 p.
7. *Tuchkov A.I.* «Odin za vseh...» Zhiznennyy put' polkovnika Kostandi [«One for all...» The life path of Colonel Kostandi] // *Ploshchad' pervouchitelej* (Murmansk). 2005. № 5. P. 180–191.

Ключевые слова:

Гражданская война в России, Европейский Север России, ВЧК, пленные белые офицеры, красный террор, А.В. Костанди.

Andrey V. Ganin

«THERE IS NO PLACE FOR ME ABROAD»

Investigatory Records on Colonel L.V. Kostandi (1920–1921)

he material represents the first publication of the documents of the investigative case of the captured white officer Colonel L.V. Kostandi — a prominent participant in the White Movement in the North of Russia.

Key words: The Civil War in Russia, the European North of Russia, the Cheka, captured white officers, red terror, L.V. Kostandi.

Andrey V. Ganin — Dr.Hab. in History, leading research fellow Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow).

 Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН